

Фанис Яруллин

***Самый лучший
подарок***

СКАЗКИ ДЛЯ ДЕТЕЙ И ВЗРОСЛЫХ

Книга вторая

Набережные Челны

2021 год

Составитель Исламова Р.Р.

Яруллин, Ф.Г.

Сказки для детей и взрослых «Самый лучший подарок» /перевод с татарского/
Набережные Челны, 2021. – 88 с.

В книжку «Самый лучший подарок» включены сказки о доброте и милосердии, об ответственности за свои слова и поступки и о том, что жизнь интересна творчеством, богата трудом, увлекательна стремлением к совершенству.

*В чем смысл жизни? Для чего Человек рождается? Как он должен жить?
К чему должен стремиться? Как же стать счастливым?*

На эти и на многие другие вопросы найдёте вы ответы в этой книге сказок «Самый лучший подарок».

Автор этих сказок, писатель, поэт и драматург Фанис Яруллин, прошёл через трудные жизненные испытания, но не согнулся, не сломался, не сдался, а совершенствовал себя знаниями и созидал.

Дорогие дети! Цените время! Жизнь пролетает быстро. Получайте знания! Ведь знания – ваше самое ценное богатство на века. Будьте счастливы!

Белоусова Раиса Михайловна,
*учитель русского языка и литературы
высшей квалификационной категории
г. Набережные Челны*

ПЕППИ

На середине Земного шара, говорят, была красивая долина с частыми и мелкими кустарниками. Там текла река с чистой-пречистой водой. По берегу реки кустились стройные ивы, на поляне спели ягоды. На лугах, догоняя друг друга, бегали цветочки. Шустрые мальчики ветра, используя ивы, как качели, качались до усталости. Жизнь кипела на долине. Птички пели, яйца несли. Здесь достаточно было места воробьям и синицам, воронам и сорокам. Оттого, что страна

их была широкой и жизнь радостной, птицы друг с другом жили очень дружно и в согласии. Сороки не крали яйца из чужих гнезд, вороны читали книжечки про вежливость, коршуны не уносили чужих птенцов. Поэтому свою долину все птицы считали родной. Весной сюда прилетали, осенью улетали. На ивах качались, песни петь учились. Много детишек выводили. Радовались, восхищались.

Однако и в этой весёлой стране жизнь круглою, душа спокойною не была. Чьи-то гнезда ветра разбросали, кто-то, попадая в грозные ливни, погибал.

А вот птица соловей по имени Желтогрудь была, наверное, самой несчастной, поскольку много лет подряд на этой прекрасной долине не могла вывести ни одного птенчика. То яички слабые бывают, то гнёздышко ветер разбросает, то какие-то ураганы совсем гнездо уносят. Из-за этого Желтогрудь очень переживала. Одна-единёшенька, печалась, целыми днями пела грустные песни:

Лью горячие слезинки
На цветы и на травинки.
А в душе огонь тоски
Горит, не утихая.

У птичек, слышавших песенку Желтогрудь, катились слёзы. Все хотели ей помочь. Утешали, надежду в душу вселяли.

И, наконец, одной весной в гнёздышке Желтогрудь послышался слабый голосочек «пип-пи». Услышав этот голосок, Желтогрудь словно душой согрелась. Вставая на краешек гнёздышка, она всем друзьям пропела: «Друзья мои, дорогие! Серебряные и золотые! Приходите, посмотрите, радуйтесь, восхищайтесь! Детёныш появился, дом радостью наполнился. Хоть и один он – равен пятерым, может стать украшением долины. Клювик, словно желтый воск, а глазки у него как две звёздочки».

Друзья маму Желтогрудь поздравили, дитё похвалили. Кто-то гостинцы принес, кто-то детёнышу имя выбирал, кто-то, спев «баю-бай», покачал.

Желтогрудь единственной своей долго искала имя и, наконец, нашла. Имя-то не такое простое, ни у кого не имеющееся. Назвала она её Пеппи, поскольку её чадо, как появилось на свет, выговаривало «пип-пи». И это слово у матери в душе след оставило. Пеппи росла не по месяцам, а по дням. Разные вкусные кушанья ела, только росинки пила. Мама ей постоянно корм носила. Пеппи лишь рот открывала.

За рассветом рассвет наставал, ветры дули, воды текли. Пеппи выросла, похорошела, крылья её окрепли. Теперь уж она, вставая на край гнездышка, взмахивала крыльями, стремилась к полету.

В один прекрасный день Желтогрудь увидела, как её дорогое дитё пыталось взлететь. Увидела, и от испуга сердце защемило: «Что ты делаешь, доченька?» – сказала она, приходя в себя.

– Вот, – ответила Пеппи, – проверяю свои крылья, может быть, взлечу.

– Пожалуйста, не дури, – сказала ей мама. – Ты ещё очень молода. Крылья ещё не окрепли. Вдруг упадёшь.

– Так ведь вон в том гнезде желтоклювые родились вместе со мной. Они уже начали летать. С мамами полетели за кормом – сама увидела, – ответила Пеппи.

– Они пусть летают, – сказала Желтогрудь, – однако ты об этом даже и рта не открывай.

– Почему? – спросила с недоумением Пеппи.

– Спрашиваешь, почему? – ответила Желтогрудь. – Так они уже должны себя прокармливать. Иначе как будет пятерых детей одна мама кормить?! Они ведь чем больше растут, тем больше кушают.

– А я? – спросила Пеппи.

– Сколько бы ты ни кушала – я сама могу тебя прокормить. Ты у меня единственная, – ответила Желтогрудь своей дорогой дочери.

– А я хочу летать, – сказала Пеппи.

– Время придёт – полетишь, не переживай об этом, – ответила ей мама.

– Ешь, пей, крылья крепи. Успеешь ещё увидеть мирские заботы.

После таких слов матери Пеппи вернулась в гнездышко и легла на мягкие перины. Желтогрудь без усталости носила ей корм. Чтобы не упало её дитё и не покалечилось, мама около гнездышка постелила мягкие травы. А Пеппи, восхищаясь летающими птенчиками, все сидела в своем гнездышке. Она ещё несколько раз пыталась взлететь. В груди силу, а в крыльях твердость ощутила, однако мать ей не дала и рта раскрыть:

– Нет, нет, – сказала ей мама, – в мире знай своё достоинство и сиди.

Со временем Пеппи и сама привыкла к такой жизни. Чем под палящим солн-

цем, изматываясь, искать пищу, поняла, что легче в тени кушать готовый, принесенный матерью корм. Иногда из-за дождей и ветров мама её задерживалась. Пеппи её встречала сердито, с обидой, упрячилась, не кушая принесенную еду. В эти минуты Желтогрудь себя считала очень и очень виноватой. «В другой раз хоть град будет, я постараюсь прилететь вовремя», – оправдывалась она.

Когда мама сильно упрашивала, только тогда Пеппи успокаивалась и нехотя кушала, как бы давая понять: «Ради тебя только ем».

Так потихоньку проходили дни. Когда мама отсутствовала, Пеппи вылетала из своего гнездышка. Поскольку она постоянно вкусно питалась и не двигалась, – стала толстой. Поэтому не могла взлетать слишком высоко. Как белочка, с одной ветки на другую ветку прыгала. Над ней воробьи весело смеялись, и Пеппи на них сильно обижалась.

– Эй, вы, бестолковые! – говорила она воробьям. – Надо мной смеетесь, а сами, наверное, не можете петь, как я.

– Как это петь не можем? – отвечали воробьи. – Вот послушай:

Чирик-чирик, чик-чирик,
Чирик-чирик, чик-чирик.

– Это разве песня! – сказала Пеппи. – Вы теперь вот меня послушайте. Тогда вам будет стыдно за свою песенку, – сказала так Пеппи и хотела, как мама, спеть задушевно. Однако, что за диво? Её песня несколько не была похожа на мамину. Сколько бы ни старалась, – только: «Пип-пи, пип-пи», – смогла выговорить. Голос неясный, песня немелодичная, недушевная получилась у неё. Пеппи и покашляла, и взлетела на ветку высокого дерева, однако песня как будто осела, как комок в горле, и никак не выходила. Оттого, что не смогла спеть, опозорилась перед воробьями, Пеппи очень сильно оскорбилась. Даже из глаз выступили слёзы.

– Хвастунья, хвастунья! – обозвав её, смеялись над ней воробьи. В тот же миг они сочинили частушки и пропели их:

Чик-чирик, чик-чирик,
У Пеппи своей песенки нет.
Голос проглотила с кормом,
Глаза протирает рукавом.

Пеппи с рёвом вернулась домой. А дома, встревожившись, ждала её мама. Убедившись, что её дочь жива и здорова, она не знала, что и делать от радости, затем быстрее обняла свою доченьку и, утирая висевшие на ресницах слезинки, спросила:

– Дитя мое, где ты ходила? Отчего у тебя глазки в слезах? Кто тебя обидел?

Пеппи, долго сидела всхлипывая в объятиях матери, затем сказала:

– Я опозорилась перед воробьями, оказывается, я не умею петь.

– Так! – сказала мать задумчиво. – Отчего же ты не умеешь петь? Ведь все в нашем роду были певуньями. Может быть, у тебя горло ещё не совсем окрепло. Подождём немножко.

Желтогрудь с внутренним волнением и с надеждой ждала, когда её дорогая доченька начнет петь. Сама же, чтобы Пеппи совсем не грустила и не печалилась, ещё больше её угощала и нежила. И чтобы у Пеппи перья и пух ещё больше блестели, чистила клювом её перья, купала её дождевой водой.

Пеппи действительно выросла красивой. Когда она сидела на ветках и купалась в вечерних лучах зари, – воробьи с неё глаз не сводили. Пеппи любила важничать и гордиться своей красотой. Чтобы её увидели и восхищались ею, она садилась на самое-самое высокое дерево.

Однако какой бы красивой ни была, она носила в душе рану, что не может петь, как другие соловьи, и восхитить всех жителей долины. Целыми днями, прячась от других птичек в лесных чашах, пока голос не охрипнет, она пыталась научиться петь. Когда все старания оказались безуспешными, ей мама сказала:

– Ладно, не беспокойся, доченька. Ты всем не рассказывай, что не умеешь петь. Вон видишь, на каждой ветке сколько соловьев поёт. Ты встань рядом с ними, вместе с ними рот раскрывай, когда они закрывают – закрывай. Среди многоголосья никто и не заметит, что ты не поёшь.

Пеппи маминой хитростью пользовалась умело. Со временем о том, что она не умеет петь, птички начали забывать. Иногда, встретив Пеппи одну, воробьи просили: «Спой нам, красавица, хоть раз». Однако хитрая Пеппи в такие моменты говорила: «Когда никто не поёт, я одна разве буду петь? Вы сами же меня за дурочку примете», – отвечая, избавлялась от них.

Вот так потихоньку текла река времени. Наступала осень. Соловьи, собираясь

в стаи, готовились улететь в теплые края. Однако Пеппи к ним не присоединялась. Она больше заигрывалась с воробьями. Тем, что с одного взгляда она нравилась любому воробью, была очень довольна. Пока Пеппи увлекалась воробьями, не заметила, как другие соловьи улетели в теплые края. Перед отлетом мама её очень долго искала: «Единственная моя, пропадет ведь», – думая, сильно переживала. В разные стороны о ней сообщала. Однако Пеппи не вернулась. Не видно и не слышно было о ней. Мама Желтогрудь, думая, что её доченька попала, наверное, в острые когти какому-либо хищнику, плакала три дня, а на четвертый день присоединилась к последней стае соловьев и улетела в теплые края.

В скором времени голодная и уставшая Пеппи вернулась домой.

– Мама, – позвала она её, – ты где? Я хочу кушать. Слышишь, я хочу кушать! – Но сколько бы ни ждала Пеппи, мама не пришла. Из-за этого Пеппи очень сильно разозлилась. Она начала думать, как отомстить матери, когда та придёт. Больно кушать хотела. Искала бы корм, однако как и где добывать его, она не знала. В это время Пеппи увидела сидевшую на калине синицу. Синица два раза клюнет да посмотрит в сторону, два раза клюнет и посмотрит в сторону.

– Эй, синица, – сказала Пеппи, – что ты делаешь?

– Калину ем, – ответила синица.

– А почему два раза клюешь и один раз в сторону глядишь? – спросила Пеппи.

– Больно проголодалась, – ответила синица, – когда сильно есть хочу, я два раза клюю, один раз смотрю по сторонам, а когда уж наедаюсь, один раз клюю, два раза смотрю по сторонам.

Пеппи подлетела к синице и попробовала калину. Однако калина оказалась кислой и невкусной.

– Как ты кушаешь такую невкуснятину? – спросила она у синицы.

– В скором времени и горькая калина закончится, – сказала синица.

– А я, хоть с голоду помру, но в рот её не возьму, – сказала Пеппи. Так сказала и по всей долине вновь начала искать свою маму. Однако семикилометровую долину семь раз обошла, а маму не нашла. Улетела бы одна в теплые края, да дорогу не знала. Когда другие птицы обучали своих детей, как найти дорогу, глядя на солнце и на звёзды, Пеппи же отдыхала безмятежно в мягкой перине. А дни становились

все холоднее и холоднее. Теперь она и кислую рябину и калину с удовольствием начала кушать, однако и их постоянно найти не удавалось. Пеппи очень сильно скучала по мамочке. А однажды она, промокнув под холодным дождём, долго искала корм и, не найдя и крошки, с отчаянием запела песенку:

Куда мне деться,
Чем мне кормиться?
Ожидая мамочку,
Устали глазки мои.

К своему удивлению, в эту минуту Пеппи почувствовала зарождение в своей душе мелодии: «Может быть, я ошибаюсь», – подумала она и снова запела:

Тяжки мои дела,
Замерзает мое тело.
Одно маленькое счастье
Судьба мне зачем пожалела?

Да, действительно, песни Пеппи начали походить на настоящие песни. Пожалев её, даже и воробьи заплакали. Тут один подлетел к Пеппи и сказал:

– Так сильно не переживай, Пеппи, друг! Вот мы же не улетаем в теплые края, однако не умираем с голода и терпим холода. Правда, рядом с тобой нет матери, родственников, однако ты не совсем осиротела. У тебя есть родная страна. Если друзья нужны – вот мы же есть.

От таких слов воробья Пеппи как будто согрелась.

– Как тебя зовут, добрая птичка? – спросила она.

– Имя мое – Остроглаз, – ответил воробей, – давай будем друзьями. Вместе будем жить. Я тебя научу, как находить корм. Когда вместе живёшь, не страшны и холода. Мой дом в укромном месте под крышей.

Пеппи полетела за воробьем Остроглазом. Дом у него оказался действительно очень хорошим. Они с утра до вечера вместе искали корм, ночью, прижавшись спинами друг к другу, вместе спали. И их не пугали холода. «Иметь свой дом и верного друга – какое большое счастье!» – поняла тут Пеппи.

Вот так трудно, но дружно жили они. Когда солнечные лучи с каждым днем все больше и больше освещали мир, когда недолго оставалось и до окончания зимы,

Остроглаз и Пеппи на крыше дома начали шутить и играть. Одна пряталась, а другая птичка искала. Увлеченную их игру увидела одна кошка и с угла подползла к крыше, а потом, прячась за дымоход, начала следить. Вот Пеппи должна была искать, а Остроглаз прятаться. Только хотел он спрятаться за дымоход – тут же попался в когти кошки – злодея. Пеппи только услышала душераздирающий, яростный крик Остроглаза.

Пеппи очень тяжело переживала потерю близкого друга. Из её души, как горячий родник, начала литься печаль. И Пеппи не утирая слез, дала волю своим задушевным песням. Все живые существа, услышавшие песню Пеппи, были очарованы. Летающие птицы от полёта, уплывающие облака от уплытия, бегущие ветры от бега приостановились и слушали её пение. От песен Пеппи проснулись даже деревья, спавшие всю зиму. И покрывающий землю белый снег, подумав: «Весна наступает, долго спал», – тут же вскочил. Ручейки, засучив штанины, – к реке, а реки, бросая всю одежду на берег, побежали к морю.

Весь мир пришел в движение, и из теплых краев прилетели птицы. А Пеппи пела и пела. Её слава разлетелась по свету. Желая хоть раз услышать песни Пеппи, издали прилетели соловьи. Многие старались петь, как она. Среди птиц, прилетевших услышать песню Пеппи, была и Желтогрудь. Она долго смотрела на Пеппи, и тут они узнали друг друга. Пеппи и её мама Желтогрудь не могли в душе вместить свою радость и вместе спели песню счастья. К их песне присоединились и другие птицы. Мир наполнился песнями радости, весны и веселья. С этого дня Пеппи была признана самой лучшей исполнительницей песен радости и печали.

В этой долине и я был. Предназначенную для ягод корзину наполнил песнями. Кто нуждается в песнях – пусть приходит ко мне. Песни дам послушать. Если надо – прослезитесь, если нужно – рассмешу.

ДЕВОЧКА-ХУДОЖНИК

Давным-давно в маленькой деревушке в старом-престаром домике жила-была одна бабушка со своей внучкой. Когда рассеивались утренние лучи по небосклону, когда просыпались в лесах и лугах соловьи, уходила бабушка из дому.

Не ушла бы, да нужно было заработать на хлеб. В тёмном, как погреб, и даже летом не видевшем солнечных лучей, в холодном доме девочка каждый день оставалась одна. Вышла бы на улицу, и она, как другие дети, играла бы, прыгая, или

слушала бы в лесу пение птиц, однако у неё не было платья – вот в чём её беда. Но девочка не унывала, находила себе игру. С мышками играла в прятки, бегала с ними по дому. Пока бегала, то она, то мышки падали от усталости. Потом все смотрели на картошку, что пеклась в печке среди золы. Девочка думала про себя: «Хорошо, что есть мышечки, если бы их не было, одной было бы совсем плохо», – и она своих друзей угощала кожурой от картофеля. Однако мышки ненасытные, не согласны они на высохшую кожуру, старались тянуться к посуде с картошкой. Девочка отдавала им свою последнюю картошечку. Но они прожорливые, прося хлеб, бегали по всему дому. Но хлеба в доме нет, и бесполезно просить. Мышки не терялись, начинали грызть углы дома, словно договорились они развалить старую избушку. Продырявив углы дома, когда уже нечего было обгрызать, покинули они этот бедный дом.

Девочка осталась совсем одна. То плачет, то поёт она. Никак не может скоротать длинные дни. Подумав, не осталось ли картошки, ворошит она многократно золу в очаге и находит тут один уголёк. Недолго думая и не тратя попусту времени, начинает рисовать. Весь пол украшается рисунками. Девочке это нравится, и она упорно хочет постичь секреты мастерства. Вытирая нарисованное, заново начинает рисовать. И чем больше она занимается, тем интереснее ей это занятие кажется.

Затем юная художница быстро начинает рисовать на полу накрытый богатый стол. На самом почётном месте, в самой середине стола – хлеб; аппетитные картошки, выпеченные в печке, как бы приглашают кушать. В самоваре чай кипит, бурлит. Девочка не может оторвать глаз от своих рисунков. И хлеб, хоть и не белый, и картошка кажутся такими аппетитными! Сколько людей наелись бы, кушая их! Когда у неё самой текут слюнки и нестерпимо хочется кушать, она быстро вытирает рисунки. После этого уже не накрытый стол, а лес рисует она. И медведей, и волков, и лис – всех, всех зверей рисует. На все деревья птичек сажает, полянку разнообразными цветами украшает, с горы родник выпускает. Потом очень красиво, с рассеивающими свет лучами и падающими прямо на их окна, рисует солнышко. Однако солнце, из-за того что было нарисовано углем, получается чёрным, и дом как будто бы наполняется холодом.

– Так не пойдет, – думает девочка, – солнышко надо нарисовать чем-то белым. Пусть освещает темные углы, согревает не видевшие огня очаги.

Находит она кусочек мела, рисует солнце заново. На этот раз солнышко получается светлым и красивым. Ко всем углам тянутся сияющие и теплые лучи.

Этим делом очень сильно увлекается она, и рисунки с каждым днем всё красивее получаются. Она рисует и на стене, и на печке, и на полу удивительные картины.

Вот однажды её рисунки словно оживают: на ветках птички начинают петь, цветы от мягкого ветра качаются, родники журчат, пчелы с цветов нектар собирают. Нарисованное на потолке солнце излучает светлые лучи, от спелых яблокгибаются яблоневые ветки. Где-то там созревающая рожь колыхнется, наверху поёт жаворонок, крыльями машет. На токах ворохами собраны хлеба. Рожью и пшеницей наполняются закрома. Куда ни глянь, везде изобилие и богатство. От тяжести хлеба прогибаются полки, словно собраны здесь все богатства земли.

Слава девочки-художницы очень быстро распространяется по всему свету. Из других царств приезжают смотреть её рисунки. Кто бы ни смотрел, все удивляются и восхищаются. И как не будут восхищаться? Если девочка нарисует деревья – они начинают шуметь, если нарисует море – волны берегов касаются, если звёздочки на небе будет рисовать – их свечение отражается в глазах, если мелом начертит окна домам без окон, дома начинают светиться глазами – окнами.

Приглашают девочку-художницу украшать и царские дворцы.

– Приезжай к нам, – говорят, – будешь всегда в достатке. У нас есть разнообразные краски и будет много твоих помощников. На столах всегда вкусная еда. Если поедешь с нами, – говорят, – будет удача всегда вести твои дела.

Однако девочку-художницу не интересуют эти богатства. Говорит: «Не нужно мне ничего вашего. Все своё оставьте себе. Красок разнообразных у меня и так много. Кисточку макаю в радугу и, если надо, беру уголь в очаге. Отражать радость помогает мел, выразить печаль мою – в печке уголь, оживляют рисунки умелые мои руки! Захочу – могу разукрасить подвалы лучше царских дворцов. С сегодняшнего дня каждый дом в деревне буду освещать солнечными лучами. Безоконным домам сделаю окна большие, темные потолки будут освещаться яркими лучами. Красоту пусть увидят люди и забудут свои горести. Пусть все наполняются счастьем и радостью. Больные, восхищаясь рисунками, встанут с постели. Пусть согреваются от холода дрожащие. Незрячие пусть начинают видеть, немые – говорить, забывшие

смех – от души смеются!» Сказала так и пошла девочка-художница по всем деревням. С собой взяла краски свои, а когда красок не доставало, к ней на помощь приходила сама природа. Розовую краску дарили утренние зори, зеленый цвет – луга и ивы, желтый цвет – само солнышко.

Кисточку делать – птицы давали свои перья. Каждый дом, где бывала девочка, становился привлекательным и красивым. Стены домов казались широкими, потолки высокими. Рисунки девочки восхищали людей.

– Земля, оказывается, такая красивая, такая просторная! – изумлялись они.

– До сегодняшнего дня, не видя солнечных лучей, в темных домах томились мы, не понимая красоту, жили, – говорили они. – Теперь уже увидели и поняли: прекрасны и сады плодово-ягодные, и рассветы, рассеивающие голубые лучи, и горы высоченные. Никому не отдадим это богатство! Спасибо девочке-художнице: разбудила она наше сознание.

Однако радость людей недолго длилась. Бесчеловечный царь со своими разбойниками начал грабить народные богатства. Словно потухло солнце, люди были разорены, хлебные поля сожжены, остался народ ни с чем. Однако испытавшие настоящее счастье люди не захотели подчиниться жестокому царю.

Посоветовались они, обсудили и, объединив усилия, вышли на борьбу против злодеяний. Сабли взмахивали, из орудий стреляли. Землю в один миг покрыл чёрный дым. Разбойники были разгромлены, гнет отступил.

Снова на синем небе засияло солнышко. Благодаря труду людей, снова сады утопали в цветах, на полях поспевал богатый урожай. Спины выпрямлялись, небо становилось выше, мир шире. Все мечты девочки – художницы сбылись.

Да, жизнь интересна творчеством, богата трудом, увлекательна упорством и стремлением к совершенству.

ЗАБЫВЧИВАЯ КУКУШКА

Вы летом бываете в лесу? Если бываете, хотя бы раз встретили, наверное, кукушку, которая, перелетая с дерева на дерево, жалобно кричит: «Кук-ку! Кук-ку!» Сколько грусти, тоски в её голосе! Так о чём же печалится она, когда вокруг все птицы поют о радости, переполняющей их душу?!

Чтобы ответить на этот вопрос, я решил пойти в лес.

Лес был безмолвен. Ветры, удобно разместившись, безмятежно спали в тени деревьев. Облака медленно плыли по небу, а солнце дарило всем свой свет и тепло. Всё и все вокруг отдыхали.

Медведи пили душистый чай с липовым медом. Зайчата резвились на лужайке, прыгая, кто дальше. Соловьи лакомились росой, смачивая свои горлышки после пения на рассвете. Только кукушки летали с дерева на дерево и жалобно куковали: «Кук-ку! Кук-ку!»

Тут я осторожно подошёл к самой красивой кукушке, сидевшей на высокой березе, и спросил:

– Скажи мне, кукушечка, отчего ты печалишься? Скажи мне причину, если не секрет.

Услышав мой голос, кукушка перестала куковать. Кончиками крыльев смахнула наворачнувшиеся слёзы и ответила:

– Как я не буду грустить и печалиться, когда одна тоска в моей душе?! Вы, люди, не понимаете нашу печаль. Думаете, что кукушки не любят растить птенцов, потому и подкидывают свои яйца в чужие гнезда. Кто же не будет любить своих птенцов?!

– Отчего же так происходит? – удивился я.

– С забывчивости это, – вздохнула кукушка. – Память очень плохая у нас. Не можем найти своего гнёздышка. Затем уж, озадачиваясь, сносим яйца в чужое гнездо. Когда подходит время второй раз сносить яйца, уже и того гнёздышка не можем найти. Туда заглядываем, сюда бросаемся. Весь лес обшаривая, ищем своё гнездо. Устаем, выбиваемся из сил. Так, выискивая, встречаем на макушке дерева гнёздышко. Радуюсь, садимся туда, однако наша радость длится недолго: к этому гнезду подлетает какая-то сорока или ворона и поднимает шум: «Это что за неприглашенный гость? Что ты делаешь в моем доме?»

Сгорая от стыда, быстрее улетаем оттуда. Потом снова ищем и находим другое гнездо, однако и оттуда тебя прогоняют. К тому же некоторые птички перед всем лесом нас стыдят, обвиняя: «Ленишься делать своё гнездо, бросаешь птенцов кому попало».

– Эх, не понимают нас, не понимают! Не только птицы, но и люди считают нас самыми бессердечными. А в нашей душе нет никакой хитрости и ухищрения. Мы целыми днями зовём своих детишек: «Кук-ку! Кук-ку!» Надеемся, что услышат наш голос и всё равно когда-нибудь подлетят к нам. Мы ведь тоже хотим заботиться о своих родных птенцах, хотим радоваться, увидев их рост и первый взмах крыльев. Но не можем мы всего этого видеть, оттого и кукуем так жалобно: «Кук-ку! Кук-ку!»

– Разве есть на свете большее наслаждение, чем забота о своём детёныше?! Кук-ку! Кук-ку!

Так ответила кукушка и улетела. А через некоторое время она уже подлетела к другому дереву и опять начала жалобно куковать: «Кук-ку! Кук-ку!»

Я долго слушал её голос. Душа наполнилась какой-то грустью и печалью. И я, сам не замечая того, вытирал слёзы. Теперь уж мне было стыдно за свои неверные мысли про кукушек.

ГДЕ ЗИМУЕТ ВЕСНА?

Где-то далеко, то ли за Чёрным морем, то ли посреди Красного моря, есть, оказывается, один остров. Ни один путешественник ещё не наступал на этот остров. На этом сказочном месте от разнообразных фруктов нагибаются деревья, горы дынь и арбузов загорают на солнышке, как горные камни. Птицы и пчёлы, никого и ничего не боясь, вьют свои гнёзда, где хотят, и выводят своих птенцов. От восхитительной красоты и несметного богатства остаёшься без слов.

Именно на этот удивительный остров приходит зимовать госпожа Весна. Отчего же она зимует на том далёком невиданном и неслыханном острове? А затем, что опасается: если будет зимовать близко, тогда к ней могут приходиться и её возвращения просить.

Да кто же из нас вечно не хочет держать около себя приветливую, мягкосердечную и нежную госпожу Весну? И кто же не хочет бегать на цветочных лугах и любоваться красотой?

Но ведь госпоже Весне тоже нужен отдых!

Когда у нас воют ветры, снега идут и метели, когда щиплют нос и уши шустрые мальчишки Деда Мороза, госпожа Весна отдыхает на своём острове. Купаясь на морях, загорая на песках, она набирает силу и энергию. Наконец её лицо розовеет, кровь играет в сосудах, как родник, в груди рождаются благие стремления. Отдохнувши и набравшись сил, она начинает думать о родной стороне. Тут же вызывает она к себе старшего сына Храбреца ветра и говорит:

– Сынок, тут мы долго побыли, набрали силы, появились стремления в душе, быстро собирайся в путь-дорогу. Съезди в родные края, узнай, ждут ли нас там? Соскучились ли? Только помни одно: мы тебя здесь будем ждать с нетерпением.

Храбрец ветер, услышав слова матери, чрезмерно радуясь, начинает собираться в дорогу. Чтобы быстрее проскочить моря, одевает на ноги волшебные сапоги. В карман кладёт разнообразные свистульки, одевает шапку, натягивая на лоб, и быстро исчезает.

Вместо года потратив месяц, вместо месяца, потратив день, добирается Храбрец ветер до родной стороны.

– Какая красота! Какая широта! – восклицает он, восхищаясь красотой родного края. Сколько ни бегай по полям и по лугам, никак не дойдешь до края.

– А дороги-то! Дороги! Конца и края нет у них! Мчись, пока не упадет подошва у волшебных сапожек. Твою дорогу не преграждают горы, не стерегут тебя моря, словно собирающиеся проглотить тебя.

Храбрец ветер бежит из полей на луга, из городов в деревни, из лесов на поляны, позабыв даже слова матери: «Сынок, мы будем ждать твоего возвращения».

Слишком проказничая, Храбрец ветер иногда снимает шапки у мальчишек, ки-

дающих друг в друга снегом, засыпает мокрым снегом белоснежные шеи девочек. А также перепутывает бороды дедушек: ударяясь о вёдра, выливает воду из вёдер молодых снох, возвращающихся с водой.

Хорошо! Очень хорошо Храбрецу ветру на родной стороне! Бегаёт, радостно играет он и за те дни, которые прошли на маленьком острове, словно в заключении.

А госпожа Весна каждый день, поглядев на дорогу, ждёт своего сына. Долго прождав бесполезно, она приглашает к себе свою нежную дочь по имени Капелья.

– Доченька, – говорит она, положив на её плечи свою мягкую руку.

– Собирайся в дорогу и ты! Может быть, брата встретишь в пути. Однако, смотри, не задерживайся! Узнай только: «Ждут нас на родной стороне или нет? И бегом вернись обратно».

– Ладно, мамочка, – отвечает Капелья, расчувствовавшись от радости. – Я вернусь быстро.

Поглядев в озеро – зеркальце, наряжается красавица Капелья, прихорашивается. Затем прыгает с листьев на листья, с дерева на дерево. Увидев высокое – превысокое дерево, у которого листья на макушке задевают облака, перепрыгивает с его листочков надвигающиеся облака. Так она направляется в путь-дорогу.

День идет, ночь идет и, не останавливаясь нигде, постоянно двигаясь, доходит и до родной стороны. Улыбаясь, долго глядит она на величественные, густые леса. Наблюдает за бегущими речками. Нравится ей очень на родной сторонке.

По утрам она, присаживаясь на какой-либо конёк высокого дома, подмигивает светлым лучам восходящего солнца. А солнышко-то! Солнышко! Поглядев один раз, влюбляешься в него навечно. Сердце наполняется задором и стремлением, лицо сияет радостью. Забывая все на свете, ты поддаешься его воле.

И Капелья забывает слова матери. От радости, не зная что и делать, она качается на ветках березы. Потом садится на ресницы девушек, моющих окна; перепрыгнув на облака, выезжает на поля.

А госпожа Весна, кладя руку на лоб, все глядит на дорогу: «Не видно ли доченьки?»

– Нет, не видать доченьки.

Однако не теряет надежду госпожа Весна. «Они, наверное, на родной сторо-

нушке чувствуют себя очень счастливо, – думает она про сына и дочь. – У счастливых память коротка».

И стремящаяся на родную землю госпожа Весна отправляет своих птичек – внуков и внучат – узнать про них. И по одному и целой стаей улетаю птицы. Им не нужны волшебные валенки, как у Храбреца ветра, и облака, которые уносили Капелю. Ведь у них есть свои крылья! Получив разрешение у своей бабуленьки Весны, прощаясь со своим островом, они держат путь на родную землю.

Проводив внуков и внучат, тоскует очень госпожа Весна. Кончиком платочка часто вытирает глаза, приподнимаясь, глядит на дорогу. Как и сын Храбрец ветер, дочь Капеля, внуки и внучата не возвращаются обратно. «Видимо, моих детей там очень хорошо встретили, – думает госпожа Весна, – их не отпускают, наверное, и самой нужно отправиться в путь-дорогу. Иначе могу опоздать...»

Завязав талию ивовой лозой, надев на голову цветастый платочек, госпожа Весна отправляется в путь-дорогу. Походка у неё такая легкая и ловкая! Шагая по морям, обходя озера, прыжком перепрыгивает реки и речки госпожа Весна.

Самыми первыми её приход замечают птицы. Птицы – лесам, леса – лугам, луга – речкам сообщают весть о приходе Весны.

Весь мир радуется приходу Весны. Реки бурно и нетерпеливо, вытекая из своих берегов, бегут навстречу к госпоже Весне. Подснежники, глазки леса, умывая талой водой свои голубые глазки, как только настанет день, смотрят на дорогу.

Храбрец ветер, прося прощения, бросается в объятия матери. Капеля, чувствуя перед матерью свою большую вину, катится к ней под ноги.

И госпожа Весна всех прощает: и забывчивых внуков и легкомысленного сына Храбреца ветра. Не ругает она и красивую дочь Капелю, которая заботится только о себе. Сегодня госпожа Весна великодушная и чрезмерно радостная, и счастье у неё безмерное. Ведь она вернулась в свою родную страну!

А здесь её вот ведь как заждались! Как придёт Весна, хлеборобы будут торопиться на поля и на луга, у больных в душе появятся новые надежды, старики и старушки будут счастливы, что дождались ещё одной весны, дети обрадуются появлению возможности бегать босиком по мягкой траве. Разве не самое большое счастье – чувствовать, что ты везде долгожданный гость?!

ДЕВОЧКА, НАШЕДШАЯ ЗВЕЗДУ

В небольшой, да и не в маленькой, не в нищей, да и не в богатой, а в обыкновенной деревне жила со своей старой бабушкой одна девочка. И звали её Зарякраса. Она была ещё очень маленькой и не знала, сколько ей лет. Впрочем, не только свои года, но и многое ещё не знала Зарякраса. А знать хотела. Поэтому она бабушке задавала тысячу вопросов:

- Бабушка, откуда ты меня взяла?
- Бабуля, а почему меня зовут Зарякраса?
- Бабушка, а кто горы собрал в кучу?
- Бабуля, а почему ночью темно, а днем светло?

Таких вопросов много и беспрестанно задавала Зарякраса. А бабушка не успевала отвечать ей на них. В такие моменты старушка её обнимала: «Вот доченька, ты скоро вырастешь, научные моря переплывёшь, горестно-радостные родники попьёшь – вот тогда всё сама и поймёшь». Девочке хотелось быстрее расти и понять всё непонятное. Чтобы быстро выросла Зарякраса, бабушка пекла вкусные печёности. Каждый день купала её в голубом озере. После купания, глядя на озеро-зеркало, Зарякраса расчесывала волосы:

– Бабушка, какая я красивая! – говорила она, восхищаясь своим отражением на поверхности озера.

– Нельзя собой восхищаться, доченька, – говорила бабушка.

– А зачем? – спрашивала Зарякраса.

– Кто восхищается собой, они бывают самолюбивые. Начинают не замечать красоту и доброту других людей.

– А я, бабушка, не буду самолюбивой. Ведь я не только собой, но и тобой восхищаюсь. Иди ко мне, со мной рядом встань. Вот ведь ты какая добрая, красивая, бабуленька! Глаза, как мерцающие капельки на синем цветочке. Ни у кого нет таких красивых морщинок, как у тебя. Я тебя очень люблю, бабуля.

Когда они так счастливо жили, бабушка Зарякрасы вдруг заболела: не кушала, ночью не спала. Докторов вызывали, да те не смогли помочь.

– Бабуля, – терзалась Зарякраса, если знаешь, скажи, что мне сделать, чтобы ты выздоровела?

– Эх, доченька! Что же ты сможешь сделать? Вон даже доктора не смогли меня вылечить.

– А я найду средства лечения, – сказала Зарякраса настойчиво. – Я все равно тебя исцелю.

Зарякраса ласкала бабушкино лицо и волосы. Сварила вкусные кушанья, вскипятила чай с разнообразными травами. Однако бабушка ни к чему не притрагивалась.

– Ешь, уж, бабуленька! Если будешь кушать – выздоровеешь, – упрашивала Зарякраса.

– Не уговаривай, внученька, – сказала бабушка, – никакая пища не притягивает! Только вот...

– Что, бабуля?

– Нет доченька, нет...

То что бабушка что-то хотела сказать, да недосказала, быстро поняла чувствительная девочка.

– Ты что-то хотела сказать, бабуленька, скажи, – говорила девочка.

– Чего не захочет сказать язык, деточка!

– Скажи уж, бабуля. Может быть, чего-то хочешь кушать?

– Эх, доченька, этот непонятный аппетит нечто отсутствующего желает.

– Что же это, бабуленька, скажи, пожалуйста?

После долгих раздумий, сказать или не сказать, бабушка приподняла голову с подушки.

– С лесной ягодой чай я хочу пить, доченька, – сказала она.

– Ба, сейчас же пойду в лес, бабуленька. Я хорошо помню те места, где мы в прошлом году вместе с тобой собирали ягоды, – сказала Зарякраса, схватила корзину и выбежала.

– Зря сказала, – тревожилась бабушка, – теперь уж и ягоды закончились, наверное. И день склоняется к вечеру. К добру бы, только б к добру.

Девочка быстрым бегом дошла до леса. Нашла поляну, где в прошлом году с бабушкой собирали ягоды. Однако там следы костра, поломанные ветки и ещё разные сорняки валяются. «Ладно, – сказала девочка, – ягоды, может быть, в другом месте есть. Весь лес обойду, однако без ягод не вернусь. Бабушку исцелю».

То направо, то налево, то вперёд, то назад бежала она. Упорно разыскивая, собрала Зарякраса полкорзины ягод. Однако, увлекшись сбором ягод, не заметила, как настал вечер. А когда опомнилась и вышла на дорогу, ночь постелила от неба до земли своё чёрное покрывало. Девочка металась, как рыба в сети. Везде очень высокие деревья, на деревьях таинственно совы выкрикивают. Чуть ли не дотрагиваясь до лица, пролетают летучие мыши. То ли лешие, то ли ветки деревьев за-

цепляют одежду. Девочка совсем заблудилась. Бегая туда-сюда, обессилела. «Бабуленька устала меня ждать, наверное», – подумала девочка. Как только так подумала, с неба опроретью упала перед девочкой одна звезда. Вся окрестность осветилась, как днем. Девочка взяла покотившуюся звезду на руки и вышла на дорогу.

Освещая звездой, она быстро нашла дорогу домой. От этой радости забыла она свою усталость.

Когда Зарякраса вернулась, у бабушки, оказывается, состояние ещё больше ухудшилось. Она еле-еле дышала.

– Бабуля, – сказала Зарякраса, – я тебе ягоды принесла. Сейчас чай вскипячу. Вот, погляди, бабуля, ягоды какие красные, красивые. Ты выздоровеешь, бабуля.

В скором времени вскипел чайник. Зарякраса сделала бабушке чай с самыми спелыми ягодами в красивой чашке.

– Вот, бабуленька, чай готов, – сказала девочка, подавая бабушке ягодный чай.

– Спасибо, деточка, не мучайся, нет сил пить, – сказала бабушка.

– Выпьешь, бабуленька, выпьешь. Вот этой красивой ложкой я сама тебя напою.

Зарякраса преподнесла бабушке чай в ложке. Бабушка долго не могла сглотнуть, а когда глотнула, почувствовала прилив какой-то силы.

– И, доченька, – сказала бабушка, – твой ягодный чай, похоже, очень благотворный. Дай ещё немного попью.

Постепенно одна чашка чая была выпита, а потом другая. А когда в самоваре чай, а в корзине ягоды закончились, бабушка Зарякрасы совсем выздоровела.

– Эх, доченька, как будто заново родилась, спасибо тебе, – сказала бабушка и обняла девочку. В эту минуту они обе были невыразимо счастливы. Вот так мирно проходили дни. Спокойные дни, может быть, долго продлились бы, однако весть о том, что Зарякраса ходила в лес и там нашла звезду, обошла всю деревню. Теперь уж к ним начали приходить люди, чтобы увидеть упавшую с неба звезду.

А звезда была изумительно красивая, удивительно лучезарная – от неё рассеивались тысячи красок на всю окрестность. Люди восхищались красотой звезды: у каждого, кто посмотрел на звезду, исчезали морщинки. И бабушка Зарякрасы преобразилась в семнадцатилетнюю девушку. Даже соседи не узнавали бабушку. «Откуда появилась эта красна девица?» – с удивлением смотрели они на неё.

Звезда, действительно, была чудесной. Она не только омолаживала людей, прикоснувшихся к ней, но и вылечивала от всех болезней. Когда об этом узнали, к дому Зарякрасы с утра до вечера хлынули люди. Некоторые из них опирались на палочки, некоторых приводили дети под руку, некоторых совсем приносили на руках.

Зарякраса к каждому больному прикасалась своей волшебной звёздочкой. Как она прикоснется, незрячие начинали видеть, неходячие – ходить, немые начинали говорить, горбатые – выпрямлялись.

Люди, освободившиеся от вечных болезней, не знали даже, что делать от радости. Каждый от всей души благодарил девочку.

Известность Зарякрасы распространилась по всему миру. К ней издалека, даже из соседних царств, приезжали больные. У девочки уже не оставалось времени спокойно кушать и спать. Однако она почувствовала себя очень счастливой, ибо видеть, как сияют от улыбок выздоровевшие люди, слышать слова душевной благодарности для неё были самой большой радостью. Так проходили дни за днями. Девочка выросла, достигла совершеннолетнего возраста. Парни пели песни о её красоте, пожилые при богослужении каждый раз желали Зарякрасе здоровье. К девушке из разных сторон начали приходить сваты.

Однажды в дом Зарякрасы зашла одна бабушка. Зарякраса со своей бабулей ела картошку. Эта бабушка, заходя, обшарила глазами все углы дома и начала ехидно смеяться.

– Зачем смеешься? – спросили у неё.

– Как не смеяться? – сказала бабушка-странница, – девушка, прославленная по всему миру, кушает картошку. Как не смеяться?

– Картошка очень вкусная, – сказала Зарякраса.

– Вкусно тому, кто не видел другую еду. Однако, если бы ты знала, сколько в мире разных вкусов, ты бы так не говорила.

– Посмотрите на свой дом: он же чуть не разваливается. У кровати ножки косяе. Кушаете согнутыми железными ложками.

– Других ложек нет у нас, – ответила бабушка девушки.

– Приобретать надо, – сказала старуха. – Зарякраса сколько людей вылечила и сейчас лечит. Зачем такое дело осуществлять бесплатно? К вам же само богат-

ство может свалиться. Что вы попросите – то и дадут вам. Бабушка-странница так сказала и ушла. Девушка и бабушка, позабыв о кушанье, призадумались. На столе картошка остыла, самовар весь выкипел и расплавился.

– Действительно, может быть, за лечение немного денег просить, доченька? – завела разговор бабушка. – Уж скоро тебе и замуж выходить. Приобрести новую одежду, свадьбу справить, подарки купить – нет же у нас денег.

Девушка и бабушка в тот день долго разговаривали. «За лечение надо брать какую-то плату», – задумали они. Данная молва тоже быстро распространилась по миру. Теперь уже к девушке никто не приходил с пустыми руками. К дому начали стекаться дорогие вещи, золото и серебро.

Бабушка с девушкой сначала с чувством неловкости брали дорогие подарки. «Все самое необходимое приобретем, дом обновим, а потом опять начнем бесплатно лечить», – думали они.

Однако, когда глаза привыкли к роскошным вещам и вкусной пище, ненасытный и злой бес постоянно натравливал душу: «Не упускайте возможность. К богатству богатство прирастает». Неокрепшая молодая душа быстро поддавалась искушению. Иногда бабушка пыталась запрещать, однако бесполезно. «Не вмешивайся, – крикнула Зарякраса. – Звёздочку я нашла, поэтому я её хозяйка».

Таким образом, Зарякраса все больше стала ненасытной. Она хотела иметь вещи, которых нет ни у кого, а продуктов таких особенных, которые никто не кушал.

А на днях к ним зашла одна нищая бабушка. У неё одежда была такая истрепанная, заденешь – кажется, совсем порвется. Нищенка дрожащим голосом сказала:

– Доченька, я пришла издалека. Наклоняясь каждому, у меня спина совсем сгорбилась. Это бы стерпела, вот руки отказали. Не могу протянуть руки, чтобы просить милостыню. Нищему очень нужны руки.

– Доченька, не дашь подержать тот чудесный камень? Если бы руки поправились, как-нибудь жила бы, не умерла бы с голоду.

– Уйди! – сказала Зарякраса. Нет у меня бесплатно лечащего камня. Сначала плати – потом посмотрю.

– Эх, доченька, – сказала нищая. – Кроме пустого мешка на плечах – ничего же нет у меня.

– Если нет, придёшь, когда будет, – сказала Зарякраса и повернулась в другую сторону. Нищая со слезами вышла из дома.

После того, как ушла нищая, Зарякраса взяла на руки свой чудный камень и увидела, что звёздочка перестала гореть и озарять. Она превратилась в холодный, чёрный камень. Конечно, у него исчезла и волшебная сила лечения. Зарякраса выбежала за нищей старухой, однако, сколько бы её ни искала, нищенку не нашла.

– Ладно, – успокаивала себя Зарякраса, – богатств хватит на всю жизнь. Добры молодцы за один мой взгляд готовы на всё. Выйду замуж за какого-нибудь богатого парня и спокойно буду жить. А то каждый день возилась с больными и, кажется, забывала заботиться о себе.

Зарякраса смотрела в зеркало и восхищалась собой. Она ждала, что придут к ней с поклоном храбрые богатыри, известные богачи. Однако никто не постучался в их дверь. Потихоньку все дорогие вещи пылью покрылись, сладкие-пресладкие кушанья кончились. И бабушка Зарякрасы умерла. Зарякраса постарела раньше времени. Она превратилась точь-в-точь в такую же нищую старушку, которую когда то сама выгнала: спина изогнулась, милостыню просить не могла – протягивать руки было больно. А сама как-будто все ещё ходит по свету и шепчет так:

– Люди, будьте милосердны друг к другу. Земное богатство остаётся на земле. Жизнь – что протекавшая вода, а богатство – на месяц. Бу-удь-те мил-ло-о-сердны!

ДВЕ КАПЕЛЬКИ

Когда рассветало и когда лес озарялся лучами солнца, две капельки, сидящие на листочке одного дерева, разговаривали между собой.

– Мир прекрасен! Однако наша жизнь не такая уж длинная, – сказала блестящая капля, глубоко вдыхая лесной воздух. – Только что появились на свет, словно изумрудные капельки, скоро вот можем исчезнуть. Как взойдет солнышко и будет прямо на нас глядеть, мы ведь испаримся! Эх судьба, судьба! – проговорив, вздохнула она.

– Судьбу же можем устроить по-своему, – ответила другая, голубоглазая капелька. – Вот давай мы сейчас вместе сольемся и спрыгнем с веточки. Родник какой-то в лесу, может быть, есть. Из родника сольемся в речку, из речки – в реку, из рек – в моря. Для этого нужна только решительность и сильная воля. За жизнь же надо бороться!

– В море вода очень горькая и невкусная, говорят, – вздохнула блестящая капелька. – Я не хочу терять свою чистоту, присоединяясь к морской воде, которую даже нельзя пить. Мы здесь в каком почетном, в каком хорошем месте находимся! Сверкаем серебряными сережками на ушках прославленной красотой, воспетой в песнях у изящной барыни Березы.

– Чем быть красивой сережкой у нежной барыни Березы, для меня лучше переворачивать турбины на реках и, присоединяясь к морским волнам, разъяренно течь вперед, – ответила вторая, шустрая капелька.

– Это же иллюзия! – возразила блестящая капелька. Чем ходить, ударяясь куда попало, лучше жить спокойно на одном месте до самого конца.

– Нет, – не соглашалась с ней голубоглазая капелька, – ты что хочешь, то и делай, а я тихо, без движения не могу сидеть на одном месте. Если даже погибну на дороге, но не хочу сидеть спокойно, без движения. Если не хочешь выйти со мной в дорогу, тогда прощай, не обвиняй меня. Так сказала шустрая капелька, спрыгнула с дерева на землю и, пройдя через покрытую листьями землю, спустилась очень глубоко. Спускаясь ещё ниже, она попала в царство Воды.

Здесь птички не поют, как в лесу, и ветер не дует. Везде абсолютная тишина.

Грустно стало капельке, которая выросла, слушая пение птиц, и шелест листьев.

– Нет, – подумала она про себя. Здешняя спокойная жизнь мне совершенно не нравится. Хочется течь мне, журча на поверхности земли, хочется бежать разъяренно. Здесь же я даже вволю и не дышала. Для чего находиться здесь, если не поёшь, присоединяясь к родникам, и не можешь свободно дышать? Она подумала так и, присоединяясь к капелькам которые также не были довольны тихой жизнью, побежала вперед, ударяясь о твердые камни. Пока они бежали, встретили на пути много капель, рвущихся на свободу, как и они сами. Здоровались они с каждой капелькой и, обнявшись, направлялись вперед.

Дни присоединяя к месяцам, а месяцы к годам, бежали они и, проходя через высокую гору, вышли на свободу. Все вперёд и вперёд бежали они, догоняя друг друга и безмерно радуясь.

Прокладывая себе путь-дорогу через жёсткие камни, через густые леса, они продолжали бежать вперёд.

В лесу корни испорченных деревьев, преграждали им путь, высохшие листья заставили капельки похудеть. Однако не остановились они. Все бежали и бежали. Ведь движение – это жизнь.

Обходя высокие горы, орошая рыхлые земли, совсем обессиливши присоединились капли к очень большой реке. Река скрутила их своим сильным течением и придала им силу.

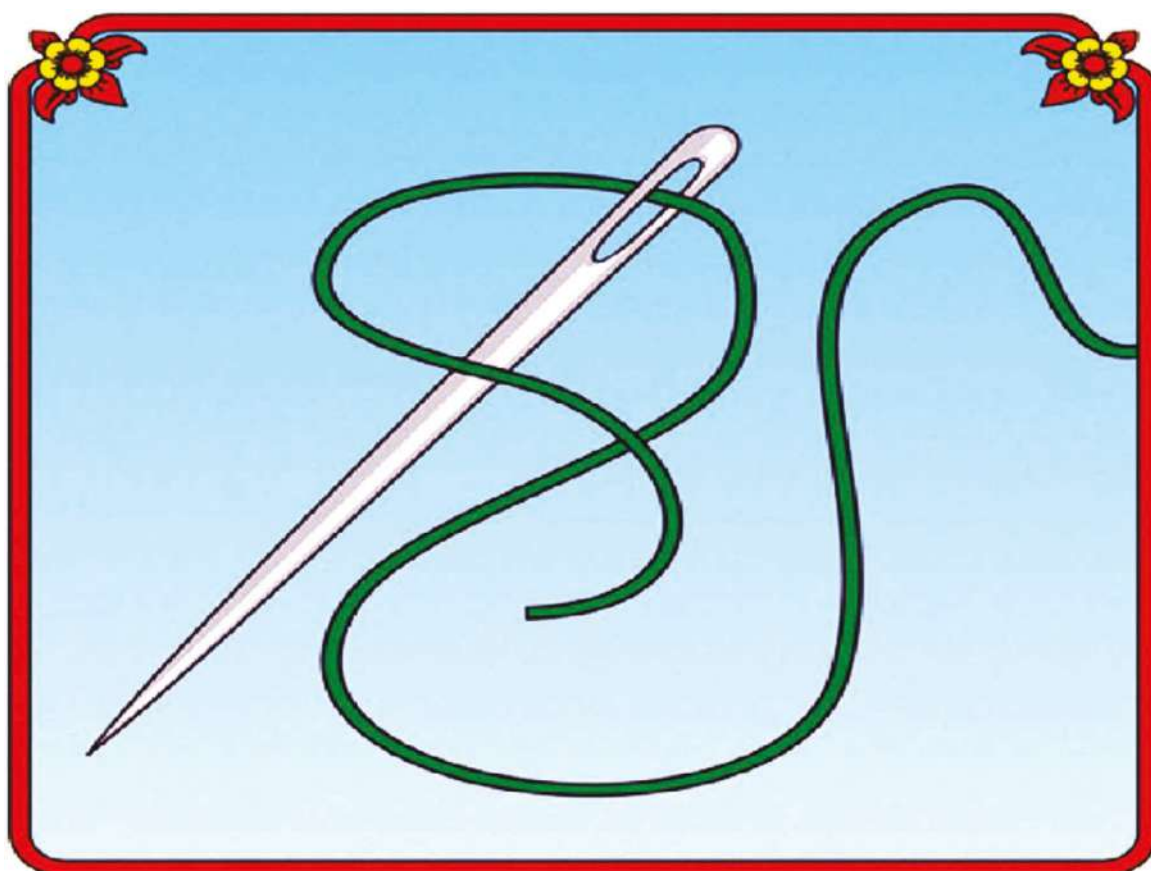
Окрепнув, отважно и мужественно двигаясь вперёд, свободолюбивые капельки дошли и до моря.

Так голубоглазая наша капелька осуществила свою мечту. Присоединяясь к крупным волнам, встречала она бури. А в том, что слилась с солёной морской водой, она ни капельки не пожалела.

САМЫЙ ЛУЧШИЙ ПОДАРОК

Давным-давно, даже очень давно, когда солнышко постоянно улыбалось, а родники были чистые-пречистые, когда на полях тысячи разнообразных цветов вырастали, освежающие ветры дули, когда на каждом дереве птички пели и звери между собой дружно жили, в одной деревне жила-была прекрасная девушка. У неё лицо, как солнышко, сияло, а на тропинках, по которым она ходила, цветы вырастали. Если начнет она петь, даже птички, приостановив своё пение, заслушивались. Выйдет в поле – бабочки с ней в ладоши играли. Если пойдет за водой,

солнышко на её ведро садилось, бельё полощет – волны её колени мыли. Да, друзья, девушка красивая и умелая была. Далеко, очень далеко распространилась о ней добрая слава. Много парней за неё сватались. Некоторые из них сильные, умные, симпатичные. Иные – богачи известные, некоторые даже из царского рода. Однако эта девушка никого не выбирала: и сильного, и красивого парой не считала.

– Доченька! – сказала ей мама в один прекрасный день. – Почему тебе никто не нравится? Ты уже взрослая, достигла совершеннолетия, стала умницей, и люди считают тебя красавицей. Ты знай одно: красота не долговечна. И летние прекрасные цветы увядают на зиму. Совершеннолетняя девушка – она словно мед: слишком долго будешь хранить – начинает киснуть, взрослая девушка – она как молоко: если долго кипятить, начинает разливаться.

– Слова твои верные, мамочка, – сказала девушка в ответ. – Давно люблю я одного парня. Однако он об этом ещё не знает, между нами ещё соловьи не поют. Для него я вышивала платочки, думая о нем, я проливала слезинки, мимо него проходила я с водою. А он не видит. Как выхожу – отворачивается в сторону. У него думы на земле или на небе. Я смотрю на красивый цветок, а он – на озеро. Я смотрю на бегущие волны, а он – на бездну. Я смущаюсь, я страдаю от этого, думаю, может быть, я не очень красивая для него? Может быть недостаток есть какой, может быть я легкомысленная или глупая какая?

– Нет, нет, доченька, – отвечала ей мама, – не переживай. Вон посмотри в зеркало, яблочко ты моё. Да не простое, а самое яркое, красное, спелое, освещённое лучами утренней зари. Лицо твоё – словно луна полная, талия твоя – словно ива гибкая. Самая умная и сообразительная ты моя!

Мать с дочерью долго разговаривали и с отцом советовались. Отец, в деревне знатный кузнец, постучав молотком, тюбетейку сдвинув набекрень, сказал своё слово:

– Мы, супруга, так сделаем, не будем озадачиваться. Всему свету сообщим: «Вырастили, мол, мы свою дочь нежно. Теперь пришло время выдать её замуж. У девушки есть одно условие парням: каждый парень должен прийти с каким-то подарком; чей подарок ей понравится, доченьку выдадим тому. Сделаем хорошую свадьбу.

– А любовь? – спросила девушка взволнованно. – Если я всю жизнь буду жить только думами о нем? Если в ушах будет звенеть его голос, если лицо мое пожелтеет от тоски по нему? Если все мое сознание будет занято только им, если ко всему свету будет безразлична душа моя?!

– Так не будет, доченька, – сказал отец. – Я в жизни разбираюсь немного, положишь на меня: любимый парень придёт к тебе невесть откуда. И подарок выберет понравившийся тебе. Ходит, наверное, он, не находя случая подойти к тебе. Мы дадим ему такую возможность.

Втроем согласились с этим условием. Слухи распространились налево и направо, вперёд и назад. Птички донесли их до берегов моря, ветры распространяли по горным краям. Волны рек донесли слух до степей, телеграфы сообщили городам. Повторяли все одно и то же: «Эй, парни, – добрые, сильные, трудолюбивые, достойные! Быстро все торопитесь, быстро! Такие события бывают на свете редко. Если даже не сможете сорвать яблоко счастья, хотя бы следует потянуться, посмотреть. Парни высокие, невысокие, задумчивые, незадумчивые, настоящие! Торопитесь! Торопитесь! Скорее! Скорее! Прекрасную девушку пусть удивит ваш подарок».

Услышав такую весть, все парни собрались в путь-дорогу – испытать своё счастье. Сын одного хана привёл караваны богатств. В одном караване – золото, а в другом – серебро. В каждом сундуке шелковые, атласные платья.

Приехал сын хана, поздоровался, сложил подарки перед девушкой. Дары такие роскошные и дорогие! На колечках настоящие камни – словно звёздочки, шелка – словно волнистое море. Браслеты похожи на радугу, ожерелья горят, словно сияние зари. Если посмотришь – глаза разбегаются. Вот какое зрелище предстало перед девушкой. Посмотрела она подарки, потрогала, а парень в это время очень волновался, так как перед этой девушкой и благородные камни будто обесценились, золото и серебро будто потеряли силу.

– Хорошо! Доботно! – сказала девушка. – Не видела я до этого таких драгоценностей, однако извини, они нисколько мне не нужны. Собирайся, парень в дорогу, вечер ведь наступает.

Богач ушёл, склонив гордую голову, сложив свои сокровища обратно в караваны. Время прошло. Утром ещё один жених постучался в ворота. Он приехал с ше-

стью кораблями, а корабли были полны продуктами и винами. Один бэлеш¹ поднимали девяносто человек, далеко распространился его вкусный запах. Разлетались в стороны пробки от вин дорогих, звенели рюмки хрустальные. Жители деревни хлынули всей толпой, словно облако. Каждому нашлась вкусная еда.

Говорит парень прекрасной девушке: «Ну, скажи словечко, понравился ли мой подарок? Если выйдешь за меня – всегда будешь кушать вкусно, дни наши пройдут прекрасно».

Девушка, тем временем осмотрев подарки, ответила так: «Никогда не ела такие кушанья. Однако прости, не для меня они. Я простая деревенская девушка. Хлеб да соль ближе для меня».

Расстроенный ушел парень, склонив голову. А женихи всё шли. Ещё приходили какие-то важные персоны.

В деревне, где росли девушки, держали раскрытыми окна домов. Многие парни стучались в другие ворота и сватались за других девушек этой деревни.

Наша же девушка ждала своего возлюбленного, ждала, когда он придёт с головою склоненной.

Вот, наконец, он пришел, поздоровался! Но в его руках она ничего не увидела. Сильно обидевшись, она сказала: «Зачем ты ходишь, парень, так смеясь надо мной? В руках твоих нет подарка. Или не хочешь ты жениться, или не стою я никакого подарка, или условия мои для тебя невыполнимы?»

– Подарок есть, – ответил парень, – вот посмотри. И вытащил из нагрудного кармана тонкие спицы и иголку.

– Спицы? Иголка? Почему? – удивилась девушка.

К тому спицы и иголка, что руки у тебя умелые! И шьешь, и вяжешь, и вышиваешь ты. Худые вещи штопаешь, отрезки сшиваешь ты. Целые возы драгоценностей ты вернула, поскольку знаешь, что богатство – оно на месяц. Богатство кончается, а мастерство остаётся, ремесло не умирает. Если есть мастерство и умение – не пропадешь, не разоришься.

Такой ответ понравился красивой девушке. Подарок она взяла с любовью.

---

¹Бэлеш – большой пирог с картошкой, с мясом и луком (татарское национальное блюдо).

– Хорошо, – сказала она. – Понравился мне твой подарок. Однако есть у меня одно условие.

– Скажи условие, красавица, не стесняйся нисколько. В груди – стремление, в руках – сила, – ответил парень.

– Хорошо, парень, убедил ты меня. А условие такое: сшей мне сапожки, пусть будут небольшие, удобные, не жмущие. Пусть будут мне впору и легкие, чтобы, сколько ни ходила – не уставали ножки. Однако мерить ногу не разрешаю; без мерки сможешь сшить – будет тебе моя благодарность.

– Это нам под силу, – ответил парень. В скором времени сшил он сапожки и принес. Девушке – красавице понравилась работа: сапожки вышли удобные, как раз по ноге и красивого цвета. Как она одела их, так и захотелось ей побежать, и ноги у девушки словно плясали.

– Не измерял ведь ножку, как же смог так сшить впору?

Парень ответил, словно певучая птичка пропела у него в устах: «Твои следы давно в сердце моем. Когда проходила ты мимо нас за водой, тайком наблюдал за тобой. Проходила ты, словно наступая на сердце мое. Смотрел я, за забором скрываясь. Не смел я начать разговор – боялся обидеть. Не смел я глаз поднять – боялся обидеть. Ты же способна царских сыновей покорить, ты же прекрасна, чтобы весь мир полюбить. Так парень с девушкой объяснились и объявили свадьбу на следующий день. На торжество приехали гости со всех стран. Днем и ночью музыканты играли, парень и девушка гостей угощали. Все ели и пили вволю, и веселились от души. Только я у этой пары на свадьбе побывать не смог: летел на самолете и опоздал, поскольку кончилось горючее, как только в небо поднялись. Сидя на облаках три дня, ждали горючее. Только взлетели, снова пришлось спуститься в один город, где продавали арбузы и дыни. Накупили мы всего-всего много и нагрузили самолёт доверху. Попытались подняться снова, да не вышло. Пришлось пешком идти и всё на себе нести. Шли долго, покупая все, что продают. В некоторых городах стояли долго в очередях, а в некоторых местностях, не находя дороги, шли в обход.

Когда же я пришел поздравить жениха и невесту, уже бегал их сын во дворе. Хоть и опоздал я, не покаялся, что пришёл: попал на угощение оставшееся. Испеченный на свадьбу бэлеш, был ещё не остывший и очень вкусный.

ЛЯГУШКА-ПЛЯСУНЬЯ

Где-то далеко, в небольшом озере, жила-была одна искусно танцующая лягушка.

Каждый день с раннего утра вставала она на лист кувшинки и начинала плясать. Сначала она плясала на обеих лапках. Со временем перешла на одну лапку. Однако этого показалось ей мало. Прилагая всю силу, весь свой талант, научилась она плясать на большом пальчике одной лапы.

Все лягушки озера восхищались лягушкой, пляшущей так красиво на пальчике одной лапы, и начали её звать «Башбармак». Такое имя присваивалось самым уважаемым и признанным лягушкам озера.

Когда Башбармак выходила плясать, приходили смотреть все жители озера и пели частушки:

Пляшешь притопывая,
Не зная усталости.
Не думая, что и лебеди,
Глядя, позавидуют.
Топай, топай сильнее,
Пусть озеро трясется.
И птицы, летающие в синем небе,
Пусть смотрят изумленно.

Башбармак нравилось, что ей пели частушки. Она своей легкой походкой, прыгая с листка на листок, собирала кувшинки и прикалывала на грудь поющим. От этих цветов парни-лягушки считали себя самыми счастливыми и всею ночью предавались красивым мечтам.

Успехи дочери, возрастающие с каждым днем, очень радовали родителей. Однажды мать Башбармак сказала дочери:

– Доченька, ты одна на нашем озере. Нет больше такой красивой плясуньи, как ты. Знай, что ты превосходишь других. Не дари цветы всяким лягушонком. Иначе обесценишься.

Башбармак только смеялась над словами матери.

– Разве дарить цветы своим друзьям плохо? Они ведь играли вместе со мной, купались, росли. Они же мои соседи, они мои друзья!

– Вообще-то так, – ответила мама, – однако талант не всякому даётся.

Я верю: ты ещё не только на этом озере станешь известной. Такую красоту и ловкость, такое искусство грех было бы прятать в таком маленьком озере.

Действительно, весть о том, что Башбармак удивительно искусная танцовщица, распространилась с одного озера на другое, из одной страны в другую. Её начали приглашать на всякие состязания.

Куда бы ни поехала, в каком бы состязании ни участвовала, она постоянно занимала первое место. Ей дарили большие-пребольшие жемчужины, охапками цветы прекрасные. А уж не счесть платьев, шитых из изящных шелков, которые могут пройти даже через колечко; платков-шалей, таких, что, если дунешь, могут подняться до облаков, и туфель позолоченных, вышитых канителью.

Восхваляя Башбарбак, парни-лягушки сочиняли ей песни. Дороги, по которым она ходила, устилали цветами. Однако теперь уж Башбармак им по-прежнему не улыбалась и не прикалывала цветочки к их груди.

Она все больше начинала верить тому, что на свете она одна -единственная. В скором времени по её заказу был выстроен золотой дворец. В нём музыканты играли разные красивые мелодии. Теперь в своем золотом дворце Башбармак плясала только самым авторитетным гостям, приезжим из дальних стран.

Если простые, обыкновенные лягушки озера приближались ко дворцу, то стоящие около ворот стражники прогоняли их.

Многие хотели увидеть золотой дворец и прекрасно танцующую Башбармак, которая вместе с ними выросла на этом озере.

Когда поняли, что попасть во дворец невозможно, собравшись, лягушки пришли к жабе.

– Жабенька, – говорили они, – ты же повитуха у нашей Башбармак. Тебя уж она пустит в свой дворец. Какие знатные гости там находятся? Чем лучше площадка, на которой теперь танцует наша Башбармак, листиков кувшинки? Всё внимательно посмотри, пожалуйста. Потом обо всём расскажешь. Обрати внимание ещё вот на что: что кушают гости, находящиеся в золотом дворце? Что пьют? Вкусняшки, чем тебя будут угощать, спрятав, и нам вынеси, пожалуйста. И мы тоже попробуем.

– Побаливаю ведь, родные. Что же делать? – ответила жаба.

– До ворот дворца мы тебя проводим на своей камышовой лодке. А ты только будешь стучаться в ворота, – уговаривали они.

– Так предлагаете?

– Да, да, так предлагаем.

– Ладно, тогда. Я сейчас соберусь.

Пока жаба переодевалась, лягушки пригнали камышовую лодку.

– Ты с Башбармак около ворот разговаривай долго, – просили парни. – Мы, спрятавшись, поглядим на неё. А то давно её не видели. Какая она теперь, наша Башбармак?

– Ладно, – согласилась жаба. – Однако, увидев меня, она бросится в мои объятия. Но вы не беспокойтесь, я как-нибудь постараюсь, чтобы её лицо глядело в вашу сторону.

Камышовая лодка приплыла к воротам золотого дворца. Жаба, осмелев, постучала в ворота. В это же время ворота открылись и изнутри вышли два стражника.

– Эй, ты, нищенка! – крикнули стражники. – Зачем стучишься? Что ты здесь оставила?

– Я не нищенка ! – ответила Жаба. – Я у Башбармак повитуха.

Стражники начали громко хохотать.

– Ха-ха-ха! У такой прекрасной Башбармак не может быть такой несуразной повитухи! Иди, иди, не мешайся. Иди своей дорогой.

– Сейчас же позовите её сюда! – требовала Жаба. – Иначе будет хуже.

– У неё время дневного сна.

– Разбудите! Скажите, что пришла её повитуха, она выбежит сама.

– Если будить не вовремя, нам крепко попадёт, бабушка, – ответили стражники, немного смягчаясь.

– Наоборот, если не разбудите, крепко попадёт вам.

Стражники задумались. Посоветовались между собой вполголоса. После чего один из них пошёл будить Башбармак. А через некоторое время они вышли вместе с ней.

– Как живёшь, доченька? – приговаривая, приближалась Жаба к Башбармак с распостёртыми объятиями. Однако, увидев её, Башбармак начала отступать:

– Кто ты? Что ты здесь делаешь? – спросила она, зевая, сильно раскрыв рот. – Ходишь, прерывая мой сон.

– Эх-эх, не узнаешь, доченька? – ответила Жаба. – Я же твоя повивальная бабка!

– У меня нет никакой повитухи, – ответила Башбармак. И шёпотом, чтобы не смогли услышать стражники, добавила:

– Посмотри на свой облик. Как, не стесняясь, я пропущу тебя в свой золотой

дворец? Там же шикарные ковры настелены у меня на полу. Из мрамора сделаны винтовые лестницы. В каждой комнате бассейны наполнены прозрачной водой. Из далеких морей я приказала привезти воду в эти бассейны. Неужели, не стесняясь, ходила бы по моему золотому дворцу своими кривыми лапами? Гости мои не смогут кушать аппетитно, увидев даже платок на твоей голове.

– Я пришла поглядеть на твой прекрасный дворец, – ответила Жаба. – На озере все интересуются: «Какой же дворец у Башбармак?»

– Нет, не могу пустить, – возразила Башбармак. – Мне будет очень стыдно за тебя перед гостями из дальних стран. На, бери вот это да скорее уматывай отсюда. Башбармак протянула Жабке кусок золота.

Жаба растоптала ногами её золото и, оскорбясь, ушла со слезами.

Лягушек, ожидающих её на лодке, она строго попросила: «Об увиденном и услышанном мною никому не рассказывать!» Парни дали слово об этом никому не говорить.

Когда Жаба вернулась на озеро, все лягушки собрались к ней: «Ну, как там живёт наша Башбармак? – спросили они. – Как её дворец? Какие продукты на столе?»

– Что я увидела, об этом невозможно все рассказать, друзья мои, – ответила Жаба. – При входе во дворец от блеска ослепили мои глаза – ничего не смогла увидеть. Продукты, привезённые издалека, оказались для меня трудноусваиваемы. Поэтому пока ничего не спрашивайте, живот побаливает. Полежу малость в своем домике.

– Как сама наша Башбармак? Скажи уж только об этом, – попросили они. – Ещё красивее стала, наверное?

– Про неё невозможно всё рассказывать. Платье у неё просвечивающее, из китайского шёлка. На пальчиках кольца из жемчуга. Увидев меня, бросилась в объятия. Так крепко обняла, что думала: сломаются мои рёбра...

Да, Жаба вынуждена была обмануть своих друзей, потому что она не хотела представить перед ними Башбармак скверной.

Простые лягушки очень обрадовались, что именно с их обыкновенного озера вышла знаменитая плясунья.

– Слава Богу, наша Башбармак, оказывается, всё такая же простая и душевная, – разговаривали они между собой.

Башбармак всё больше прославлялась. Её слава дошла и до царских сыновей, проживающих за горой Каф. Башбармак с разных сторон на больших кораблях посылали подарки. Она приказала расширить свой золотой дворец и сделать ещё выше.

Тем, кто сочинял про неё красивые песни, она дарила подарки. Теперь уже все поэты восхваляли её. Музыканты посвящали ей самые лучшие произведения.

Всего лишь один парень по имени Большерот не пел песни про Башбармак. А он был самым лучшим певцом этого озера. Башбармак разозлилась на него за то, что Большерот не хотел признать её славу. Она приказала своим стражникам быстро вызвать к себе этого парня. Стражники приволокли упрянца.

– Эй, ты – сказала Башбармак, – все лягушки считают большой честью петь песни про меня. А ты, имея такой большой рот, почему не восхваляешь меня? Аль ты не знаешь, что я самая искусная танцовщица?

– Знаю, – ответил Большерот. – Да, ты хорошо танцуешь, тут ничего не скажешь. Когда ты плясала на листиках кувшинки, я целыми днями, не отрываясь, глядел на тебя.

– Тем более, – обрадовалась Башбармак, – ты во всеуслышанье должен петь о том, что я танцую с малых лет и я самая красивая и добрая.

– Я могу петь только лишь правду, – возразил Большерот. – Если спою неправду, в тот же день умру от стыда!

– Какой обман? – спросила с удивлением Башбармак. – Неужели я плохо танцую? Или мало плачу тем, кто меня восхваляет? Может, я родителей обижаю? Если хочешь знать, мои родители живут на самом верхнем этаже моего золотого дворца. Одевают платья, украшенные жемчугами и кораллами. Я не заставляю их ловить мух, комаров в мутном озере.

– Так-то оно так. Однако того, кто свою повитуху во дворец не пускает, – можно ли называть человечным? Жаба ведь пела тебе колыбельные песни, лечила душевной теплотой, когда болела. Или вспомни Сероглаз. Она ведь научила тебя плавать. Сколько раз она спасала тебя от гибели! Один раз, когда тебя спасала от острых зубов щуки, искалечила свою лапу. А ты её даже непустила в свой дворец, оскорбив её словами: «Мой дворец не место сбора калек». – Когда Сероглаз начала

противиться, твои же стражники избили её. И я, зная всё это, должен петь о тебе и восхвалять тебя?!

– Ах, так?! – обозлилась Башбармак. – Ты не хочешь воспевать меня? Стражники, закройте его в тюрьму! Когда начнет прославлять меня, тогда и выпустим. Стражники закрыли Большерот в тюрьму. Башбармак очень расстроилась оттого, что не смогла победить знаменитого певца. Ей казалось, что если бы Большерот воспевал её, то она оказалась бы на самой высокой ветке дерева известности. Так долгое время она ходила печальная.

Однако певцы-подхалимы, её окружающие, поэты, согласные на всё за один лишь её взгляд, музыканты, готовые записать каждый её звук на ноты, быстро рассеяли печаль Башбармак. С новым задором она начала плясать. Чтобы смотреть, как красиво она танцует, приказывала привести Большерот в цепях.

Башбармак в своем дворце танцевала на большом, круглом позолоченном столе. Однажды, когда танцевала, то ли голова закружилась, то ли нога поскользнулась, она упала. Помощники не успели её поймать.

Пол золотого дворца был из мрамора, и она ударилась очень сильно. У неё сломались два ребра и лапа.

Это известие быстро распространилось по всему свету. Из дальних стран для неё приглашали самых умелых лекарей. Применяли разнообразные лекарства. Потихоньку ребра поправились, однако сломанная лапа не вернулась в своё прежнее положение. Слишком раздроблены были кости пальчиков, ударившись о мраморный пол. Башбармак прекрасно понимала, что теперь уж мечты о пляске с такой ногой – пустые.

Поскольку Башбармак не могла танцевать, знатные гости, придумывая различные поводы, старались быстрее покинуть её дворец.

Процветающий когда-то золотой дворец опустел и стал похож на стойло, из которого убежали лошади.

Башбармак плакала день и ночь, оскорбляясь этим положением. У неё даже некому было слёзы вытирать.

Стражники, охраняющие золотые ворота прекрасного дворца, убежали, выкрав золота столько, сколько смогли унести. Исчезли повара, стащив вкусные кушанья, а

уборщики – утащив дорогие ковры. Одна-единёшенька осталась Башбармак. Если крикнет, её голос обратно к ней возвращался, ударяясь о пустые каменные стены. Поэты, воспевающие её, теперь уже пели унижающие её частушки. Художники рисовали на неё хромоногие карикатуры. Башбармак очень унижало это положение. Она решила проститься с миром и, поднявшись на самый высокий балкон своего золотого дворца, прыгнула вниз. Однако ей суждено было ещё жить, поскольку она упала в самое глубокое место озера и не разбилась. Самой первой к ней подплыла Жаба:

– Доченька, – сказала она, погладив её голову, – что случилось? Нечаянно упала что ли?

Башбармак, склонив голову на грудь Жабы, заплакала. Потом всё про всё рассказала.

– Прости меня, бабуленька! – умоляла она, рыдая.

– Ладно, не будем вспоминать прошлое, – успокаивала Жаба. – В то время не ты себе, а твоё высокомерие было хозяином твоей души. А за лапу не переживай! Как-нибудь поправим. Найдем средство, хотя и, может быть, не сможешь танцевать как прежде.

Жаба начала лечить лапу Башбармак. А Сероглаз собирала целебные травы из далёких лесов и лугов. Жаба делала из них разнообразные лекарства.

Находящийся в заключении во дворце знаменитый певец вышел на свободу. Он участвовал в лечении Башбармак, забыв все свои обиды.

Старанием всех лягушек озера Башбармак совсем выздоровела и встала на ноги. Вернулась в своё прежнее положение и сломанная лапа.

Она ещё лучше прежнего начала танцевать. Теперь она уже плясала не для знатных гостей, приезжих издалека, а для лягушек своего родного озера. Танцевальной площадкой ей вновь служили листья кувшинки.

«Нет дела почётнее, чем служить своим друзьям, родным, приятелям», – поверила теперь Башбармак, почувствовав это всей душой.

ЛАСТОЧКА, БЕЛОУШКО И МЫШКА

На крыше дома любил загорать на солнышке один котёнок по имени Белоушко.

– Эх, – думал он, глядя на голубое небо, – было бы ты морем, а оттуда прыгали бы белые – пребелые рыбки и попадали бы прямо мне в рот.

Наевшись свежих рыбок, загорал бы я на солнышке, а потом дремал бы вдоволь.

– А если посыплется много-много рыб, оставшееся после еды занёс бы дедуш-

ке-хозяину. А он, расчувствовавшись от моей щедрости, обласкал бы меня и разрешил бы спать на кроватке. Иначе в последнее время стал он слишком обзлѐнным. Ругает: не ловлю мышек и подушечки мну. Но что же делать, если люблю я спать в мягком месте? Не хочется ведь спать на жестком паласе около двери, когда дома много подушек.

– И мышки-то хитрые: можно ведь не прятаться под полом. Бегали бы около меня, мчались бы мимо меня, как-нибудь поймал бы одну. – Так, сладко размечтавшись, заснул наш Белоушко. Проснувшись, раскрыв свои глазки, проказник увидел на скате крыши амбара гнездо ласточки.

– Вот это находка! – обрадовался он и спрятавшись за дымоходом, начал следить за гнёздышком. Следил час, два часа, однако в гнёздышке не было видно живого существа. От напряженной слезки у Белоушки начало рябить в глазах.

– Гнёздышко, кажется, пустое, – вздохнул он. – Самое лучшее – быстрее слезу и молочка у дедушки попию. Наверное, он уже заснул, выпив половину чая. Может, ещё масло сливочное осталось на столе. Быстрее надо слизнуть масло. Дедушка пусть ходит, задумываясь: «Когда же я все это съел?!»

Белоушко только хотел выйти из своего укромного места, как стрелой примчавшись, прилетела к гнёздышку Мама-ласточка. Увидев маму, поднялись наверх четыре желтые клюва. Все четверо раскрыли рты, восклицая: «Мне, мне!» – и потянулись к корму.

Мама-ласточка засунула свой корм в рот одного птенчика и снова улетела, не заметив опасности. Обрадовался Белоушко, облизываясь: «Какое удобное место! Залезая с угла амбара, засунь лапу и вытаскивай по одному».

Так подумал Белоушко, однако не торопился броситься на свои жертвы.

– Ладно, пусть подрастут немного. Чем пачкать рот такими маленькими, пойду лучше попию у дедушки молока!

Белоушко спустился вниз. Каждый день с этого времени он начал следить за ласточками, спрятавшись за дымоход, с утра до вечера. Пока следил, сделал для себя открытия. Оказывается, Мама-ласточка даёт корм по строгой очереди, нисколько не ошибаясь. Белоушко ещё заметил, что птенчики ласточки очень ухоженные, чистые. Они не пачкают около гнёздышка. Мама-ласточка клювом выбрасывает на сто-

рону отходы. Чем больше следил Белоушко, тем больше усиливалась его любовь к птенчикам. Он даже подыскал им имена по своему. А птенцы росли с каждым днем и хорошели. Иногда они, вставая на край гнездышка, начинали взмахивать своими крыльями.

Белоушко радовался тому, что сумел себя сдерживать и не трогал их, будучи даже сильно голодным. Только одно его расстраивало: «Вот скоро улетят птенцы ласточки, когда окрепнут их крылья. Они даже не узнают про Белоушко, восхищающегося ими каждый день. Белоушке будет очень грустно, когда улетят птички», – с такими думами, загорая на солнышке, он не заметил, как мимо с визгом пролетела Мама-ласточка. Вгляделся он, и что видит? Ястреб догоняет Маму-ласточку. Она, чтобы Ястреб не увидел её гнездышка, свистит и старается увлечь хищника подальше от гнезда. В то же время и слишком далеко не улетает. Ястреб бросается за ней и, кажется, вот-вот поймает Маму-ласточку. Так они и летали вперегонки друг за дружкой некоторое время. Что же делать? Не выдержал Белоушко и выскочил из своего укрытия, чтобы защитить Маму птенцов. У него появились даже не злость, а скорее ярость на Ястреба.

– Улетай далеко, гнездо буду сам защищать! – закричал он ласточке, не в силах промолчать.

Или растерялась от голоса Белоушко, или же от усталости на одно мгновение замедлила полёт Мама-ласточка. Ястребу только этого и надо было: он тут же схватил Маму-ласточку. Однако и сам не смог далеко улететь: попал в острые когти кота. Но было уже поздно: голову Мамы-ласточки ястреб-злодей уже успел сильно поклевать. Белоушко не смог простить этого зла Ястребу, и он съел его, не оставив даже крылышка. Когда он смотрел на умирающую Маму-ласточку, вышел из дома дедушка.

– Ах, бессовестный! Ах, злодей! – возмутился он, схватив Белоушко. – Я его кормлю, пою. В теплом доме укладываю спать, а он вот что делает!

Дедушка начал лупить котёнка.

– Не я, дедуля, – оборонялся Белоушко. – Ласточку же Ястреб схватил. А я бросился её защищать. Однако не успел.

– Не хватает жадности, ещё и обманываешь? – обозлившись, дедушка ещё силь-

нее начал бить Белоушко. Потом закрыл его в погреб. А погреб был холодный и тёмный.

Белоушко очень расстроился, что не смог объяснить толком дедушке всю правду. А ещё больше он переживал за птенцов ласточки, которые теперь остались без мамы.

– С голода помрут, бедняжки. А ведь как красиво выростали! Кто будет кормить, кто будет ухаживать за ними? Эх, если смог бы выбраться отсюда, придумал бы что-нибудь.

Так лежал он, задумавшись, и вдруг услышал хруст в уголочке погреба:

– Мышка! – пришла мысль в голову. Он насторожился.

В скором времени мышка и сама показалась. словно молния, бросился к ней Белоушко. С одного прыжка схватил свою жертву.

– Отпусти меня, пожалуйста, умоляла мышка. – Что прикажешь, то и выполню.

– А не обманешь? – спросил Белоушко.

– Ей-Богу, не обману. Я клянусь тебе.

– Слушай тогда, – сказал Белоушко. – Вот рядом, с этим погребом есть деревянный амбар? На скате крыши этого амбара увидишь гнездо ласточки. В гнёздышке четыре птенчика. Ястреб погубил их мамочку. Теперь эти птенчики сидят голодные. Ты их должна кормить!

– А чем же их кормить? – спросила мышка. – Я ведь и сама голодная.

– Сама голодная или нет, этого я не знаю. Однако если не выполнишь мое поручение, думай, что простилась с жизнью. А при желании можно найти достаточного корма. На земле полно червяков и личинок. Подбери и покорми. Только смотри: если надумаешь убежать, достану из-под земли!

Мышка вышла на улицу по подземному ходу, который знала только она. Пришла она очень поздно усталая-преусталая.

– Ай-вай аппетит у них! Никак не успеваешь таскать, – пожаловалась она. И, положив голову на мягкий хвост котёнка, заснула, захрапев.

Длилась эта мышкина работа целую неделю. За это время крылья птенцов ласточки совсем окрепли.

Дедушка, вспомнив, что закрыл Белоушко в погребе, открыл замок:

– Выходи! – крикнул он Белоушко. – Судить тебя будем! Зло не должно остаться без наказания!

Повел он Белоушко к мудрецу-праведнику.

– Светлейший Мудрец, какую кару дадим ему? – спросил дедушка и рассказал о вине Белоушко.

– В моей книге сказано «За смерть и наказание – смерть» – ответил Мудрец. – Закидать его камнями. Пусть другим уроком послужит. Он же, съев одну Маму-ласточку, подверг голодной смерти и её птенцов. Следовательно, и наказание вдвойне, тройне ужесточается.

Белоушко что-то хотел сказать в защиту себя. Однако его никто даже и не слушал. Вывели его на улицу. Там же помощники Мудреца, взяв в руки камни, готовы были приговор привести в исполнение.

Как вывели Белоушко, громко начали стучать в барабаны. Только хотели бросать камни в сторону Белоушко, тут, всхлипывая, прибежала мышка.

– Не трогайте его! Не губитель он, а спаситель! – еле-еле выговаривала она.

– Откуда ты его знаешь? – спросил Мудрец у мышки.

Мышка тут же подробно все рассказала.

– Если не верите моим словам, вон смотрите на небо!

И столпившиеся люди посмотрели наверх. Там со свистом, делая головокружительные виражи, летали четыре ласточки. Увидев такой красивый полет, все засияли улыбками. После этого дедушка взял на руки своего любимого котёнка: «Прости меня, старого», – попросил он. – Я виноват перед тобой. А ведь недоверие такой же грех, что и убийство. Из-за недоверия я же тебя чуть не погубил!

– Ладно уж, – успокаивал его Белоушко, – не будем вспоминать прошлое. Пойдем лучше домой!

Дедушка, взяв на одну руку мышку, на другую Белоушко, пошел к себе. Проводили их ласточки, восхищающие каждого своим красивым полётом.

– Мы скоро улетаем в теплые края! До свидания! – будто говорили они. – Живите хорошо до нашего возвращения, будьте здоровы!

– Вы тоже возвращайтесь здоровыми! – пожелали им от всей души дедушка, Белоушко и мышка.

МЕЧТАТЕЛЬНЫЙ ЦЫПЛЁНОК

Давным-давно, светлой весной, на красивом зелёном лугу, под замечательным кустом, появился на свет один цыплёнок. Вылез он, расклёвывая скорлупу яйца, посмотрел на мир, удивляясь, изумляясь. Много вокруг, оказывается, ласковых глухарей, белочек, зайчиков, медведей и других жителей леса. «Пип-пип!» – издал звук цыплёнок. Его голос усилил густой лес, а ветры далеко его унес-

ли. Поскольку свой голос цыплёнок услышал первый раз, удивительно красивым, звонким показался ему этот голос. Он ещё громче крикнул: «Зелёный лес, ты такой широкий, такой просторный! Я появился на свет совсем недавно, однако же полюбил я тебя на всю жизнь. Поляны твои такие живописные, ягоды такие вкусные. Травы твои мягкие, словно ковры, росинки словно жемчуг-кораллы».

Услышав такие слова мечтательного цыплёнка, подлетел поближе один орёл и сказал птенцу так: «Весь мир ты ещё не видел, бедный цыплёнок. Росинки в нём будто жемчуг-кораллы; кусты, чащи красивые... Ты, цыплёнок, не летал и широту не обнимал. Взмахивая крыльями, поднялся бы ты в небо, увидел бы красоту сверху, сказал бы «Солнышко – большое золото, небосклоны – пламя». Мы алмазными звёздами восхищаемся, лёжа на белых облаках – загораем, в грозном дожде – купаемся. Я бы тебя, цыплёночек, один раз поднял бы в небо, вот тогда ты понял бы настоящую красоту!

– Нет, хватит, не рассказывай! – воскликнул цыплёнок. – Ты меня подними в небо, сам хочу всё видеть! И жизнь не жалко отдать, чтоб постичь всю красоту мира.

И орёл спустился за ним. Поднял его в голубое небо, на самую высоту. У цыплёнка голова коснулась облаков. Действительно, небо такое прекрасное! Синие горизонты такие широкие! А дышится так легко и свободно! Стаями летают различные птицы. И облака машут шёлковыми шаялями. А птицы, когда устают, сидя на облаках, слушают песни ветра. Удивляясь широте и этому блаженству, набирая в грудь много воздуха, хотел цыплёнок взлететь сам. Один раз встрепенулся, один раз встряхнулся. В этот момент орёл нечаянно выронил его. Бедный цыплёнок полетел и упал вниз. Упал и сильно ушиб голову. Однако, хотя и ушибся, он не пожалел, потому что познал вкус полёта. Увидел там красоту высокого-высокого неба...

Вскоре цыплёнок вырос, стал взрослым. Однако все ещё не может забыть того полёта, поэтому провожает взглядом да вздохом каждую летящую птицу.

Да, нужно уметь восхищаться и искренне, красиво мечтать! Оказывается, один счастливый полёт может иногда озарить всю жизнь, и ради этого стоит жить!

НЕСМЫВАЕМЫЙ ПОЗОР

У подножия высокой-превысокой горы, за голубыми горизонтами паслась на травке лошадь со своим жеребёнком.

На небе солнышко светило, у подножия горы родник журчал, весело птички пели на ветвях деревьев, аленькие цветочки шептались на своем языке.

Мир казался светлым, радостным. Зелёная травка была такая сочная, сладкая.

– Эх, мамочка! – воскликнул жеребёнок, восхищаясь окружавшей его красотой. – Как хорошо! Скачу, прыгаю, играю. Сила кипит в груди. Долины раскрывают мне свои объятия. Одним махом я могу перелететь с одной горы на другую. Наверное, нет на свете никого, кто был бы проворнее, сильнее, чем я. Даже широкий луг мне кажется узким, мне не хватает места, чтобы скакать.

– Слишком не хвались, сынок, – говорила ему сдержанная Мама-лошадка. – И среди ловких есть самые ловкие, и среди сильных есть самые сильные.

– Нет, нет! – возразил жеребёнок. – Если не веришь словам, то посмотри! – И он поскакал по лугу так, что его копыта едва касались земли.

А его мама, радуясь, глядела вслед и думала: «Как быстро вырос мой жеребёнок!»

Резвый жеребёнок быстро помчался по лугу и ускакал от мамы довольно далеко, а она кричала ему вслед: «Сынок, сыночек! Не убегай так далеко, не уходи надолго!»

Жеребёнок не послушался мамы, долго гулял и ни о чём не думал.

Вдруг поднялся сильный ветер, начался страшный ураган. Пошёл дождь с грозой, в огромный дуб ударила молния. Только тогда жеребёнок повернул назад.

– Мамочка! – позвал он маму, поднявшись на пригорок, и тут же увидел её в окружении голодных волков, которые были в нескольких шагах от неё.

Мама-лошадь, заржав, позвала сына:

– Сынок! Сыночек! Приди мне на помощь, спаси меня! Ты ведь очень ловкий, скачешь быстрее ветра – увлеку за собой волков. Пусть они бегут за тобой, все равно они тебя не поймут, отстанут, а я спасусь!

Желая помочь матери, жеребёнок помчался к ней во всю мощь. А волки выли, щёлкали зубами.

Вдруг страх охватил жеребёнка, он внезапно остановился и спрятался в кустах. Долго сидел он там, боясь выйти. Наконец, прошёл ураган, который переверотил леса и луга, кончился дождь, и волки не выли. Все стихло. Только тогда вышел жеребёнок из своего убежища и отправился домой.

Пришёл, и что видит?! Мамы нет! А на том месте, где паслась Мама, лежат только обглоданные кости. В сторонке валяется мамина головушка, на глазах её остывшие последние слезинки.

С диким рёвом подбежал к голове жеребёнок, заплакал, но слезами не вернуть прошлого.

– Маменька! Мамуленька! Прости меня, испугался я! Хвалился я, будто скачу быстрее ветра!

– Мама! Мамочка! Если знаешь, научи меня, что нужно делать, чтобы стать храбрым?

Тут голова лошади заговорила: «Сынок! Сыночек! Выслушай мое последнее слово: чтобы быть храбрым, нужно в душе иметь сочувствие. Храбрым может стать только сердце милосердное. Желаящие добра никогда не жалеют себя и защищают слабых. Безжалостные не бывают храбрыми. Не забывай этих слов, сынок!»

– Мамочка! Мамуленька! – ответил жеребёнок, – клянусь, я не испугаюсь злодеев больше никогда. Брошусь в огонь и в воду. Никого не дам в обиду, пока жив буду.

И сдержал своё слово жеребёнок – храбрым вырос. Он стал отважным вожаком табуна жеребцов. Охранял табун от каждого хищника. Глаза у него были острее, чем у орла и беркута. В груди горела храбрость ста львов. Огромная сила таилась в его копытах – одним ударом он сотрясал вековые дубы. Волки его табун обходили стороной. Рядом с жеребцом никто не знал страха. Во всех состязаниях и скачках на празднике «Сабантуй» жеребёнок всегда выходил победителем. Хвалили его всегда и везде, но он нисколько этому не радовался. Большое сожаление носил он в душе своей. Маму ведь не защитил от волков, такой позор разве смывается с души?!

Вот оттого и был грустным он: меч позора скашивал всегда цветок радости в его душе.

ПЕТУШОК И ВЕЛОСИПЕД

В небольшой деревне, на правой стороне двора, в деревянном амбаре, в достатке угощения, жили-были курица Барыня и петух Красногребень. У них было восемь дочерей и близнецы сыновья. Дочери были послушные, вежливые, благовоспитанные.

Как отец с раннего утра, прыгая с насеста, крикнет: «Кукареку! – бегут они искать себе корм. А чтобы разбудить сыновей, дядюшка Петух голос теряет от долго-

го крика, и так проходит полдня. Даже проснувшись, сыновья не встают, вытягиваются и загорают на огороде. Впрочем, они просто так не лежат: дерутся, ссорятся, дёргают друг друга за гребешки.

Особенно озорным был петушок Обвисгребень. Своего брата Гладогребня постоянно обижал, совершал против него козни. Забияка везде успевал сунуть свой гребень и «проучить» даже жителей другого двора.

В постоянной драке у него отпали даже перья, обвисли гребешки. В такие минуты раскаивался он от души: «Больше так не буду». Однако, если утром покаялся, то вечером забывал.

Родители очень переживали за него: «Из нашего петушка Обвисгребень не выйдет толкового петуха». Как только ни наказывали они своего забияку: и не выпускали на улицу, и не давали пищу, и шлепали соломой! Когда все эти наказания не помогли, родители и близкие объявили ему «бойкот». Домой приходит – не разговаривали, спать ложится – не напоминали. Если даже придёт избитым в кровь, словно не видели. И так и сяк делай – не замечали.

Сначала Обвисгребень очень обрадовался этому. То залезал на навоз, то прыгал на забор.

Однако одинокая игра быстро надоедала. А просить прощения у родителей и близких ему казалось унижительным.

– Эх! – подумал он, – уехать бы далеко-далеко, пусть скучали бы, плакали бы. Однако, куда же уехать? Как бы перехитрить домашних?

Когда, задумавшись, ходил так, увидел он однажды на середине двора велосипед. Быстренько сел на него верхом, хотел покататься, а хвост-то зацепился за цепочку, и петушок опрокинулся. Однако, не подавая вида, сел ещё раз, покатился вихрем по широкой дороге. Даже и самые злые собаки не успели заметить. В мгновение ока он невесть сколько пути проехал. Дорога была ровная, укатанная. Катясь, наш петушок доехал до леса.

В дремучем лесу поют разнообразные птицы. Каждый листочек дерева сочиняет свою песню. Таинственно шумят деревья.

Увидев прекрасный лес, словно поющий на все голоса, Обвисгребень и сам захотел петь. В приподнятом настроении он запел:

Кукареку, кукареку,
Еду я на всем ходу!
Кто желает, посажу,
Посажу и прокачу.
Не боюсь крутой горы,
Не боюсь ям и воды.

Увидев, как едет петушок, громко напевая, навстречу ему с рёвом выбежал из леса медвежонок.

– Зачем плачешь? – участливо спросил петушок Обвисгребень.

– Заблудился! – всхлипывая, выговорил медвежонок. – Мы тут в лесу были в летнем лагере.

– А-а! – обрадовался петушок. – Значит, ты из яслей медвежат. Слышал я, слышал, что в лесу для медвежат открыли ясли-сад. А ты не переживай, Чернонос, при мне не потеряешься. Залезай на заднее сиденье и зорко гляди вперёд. Вытри слезинки, найдутся твои друзья!

Вихрем покатались они и в скором времени доехали до яслей.

Хором громко благодарили петушочка друзья медвежонка за оказанную помощь: «Спасибо тебе, Обвисгребень! Тысячу и тысячу раз спасибо!»

Обвисгребень и сам обрадовался. Ему было очень приятно. Ведь он первый раз в жизни услышал слова благодарности. Забыв даже, что проголодался, он опять пустился в путь-дорогу и громко запел:

Кто желает, посажу,
Посажу и прокачу!

Услышав песенку Обвисгребня, поднял руку один старый Ёж.

– Эй-хей-хей! – воскликнул он. – Посади меня, пожалуйста.

– Куда идешь, дедушка Ёж? – спросил его Обвисгребень.

– У внука внучонок родился. Иду к нему с гостинцами. Вот только что-то больно стало наступать одной лапой.

– Не переживай, дедушка Ёж, садись на заднее сиденье. Вихрем полечу, быстро доведу.

Дедушка Ёж сел на заднее сиденье, и поехали они вперёд.

Все липы и сосны здоровались с ними. И не успела передохнуть уставшая лапа дедушки Ежа, они уже доехали до внучонка и попали в самый разгар праздника. Почтенного дедушку Ежа посадили в самый передний угол, а напротив его – петушочка Обвисгребня. Радужно угощали, накормили, напоили и с тысячами благодарностей проводили в путь-дорогу.

Услышав добрые слова, Обвисгребень обрадовался очень, засиял от радости и снова тронулся в путь с песнями:

Кто желает, посажу,
Посажу и прокачу!

Как будто этого и ждала, выбежала навстречу к нему одна Волчиха.

– К доктору тороплюсь. Двое моих детишек сильно заболели. Не посадишь ли, Обвисгребень?

– Не переживайте, сам привезу доктора! – сказал петушок и помчался так, что колёса едва касались земли.

В скором времени он к дому волчихи привёз самого хорошего доктора. Мама-волчиха была в состоянии растерянности, поэтому забыла даже поблагодарить.

Однако всё равно Обвисгребню было очень приятно. Теперь уже чужие радости и его радовали.

Вот так долго ездил он: кого-то привёз, кого-то увёз. Пока так ездил, вспомнил, что ему уже пора домой. Однако на обратной дороге у него лопнуло колесо. Что же теперь делать? Пока не пришёл хозяин велосипеда из школы, надо же его на поставить своё место! Переживая, вытирая слёзы, он поднял голову. И что же видит?! Около него столько птиц и зверей!

Кто-то принёс сосновую смолу, кто-то помог колесо снять. Кто-то латал, кто-то смотрел, мысленно помогая, а третьи держали.

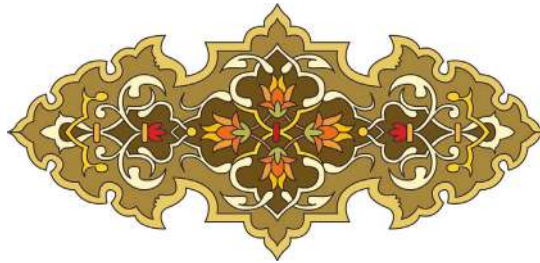
Петушку Обвисгребень от такого внимания и помощи стало очень приятно. Жизнь показалась ему такой прекрасной!

– Спасибо вам! – сказал он новым друзьям, обнимая их по одному.

– Тебе спасибо! – ответили жители леса. Поскольку сказали все вместе, их голоса, озвучивая густой лес, обратно возвращаясь к петушочку, долго ещё звенел и в его ушах. Он, напевая, поехал домой:

На каждом языке «Спасибо» одно,
А слышать «Спасибо» очень приятно,
Трал-ля-лям, Трал-ля-лям.
А слышать ругань одно мучение.
Быть хорошим приятно и прекрасно,
Трал-ля-лям, Трал-ля-лям.

БЕЛКИН СЫНОЧЕК ТИМ-ТИМ

Часть 1

Между небом и землей, в густом дремучем лесу, на верхушке высокого дерева жил-был белкин сыночек Тим-Тим. Целыми днями он играл, прыгая с ветки на ветку. Друзья его очень любили за озорной и бойкий нрав. Как Тим-Тим свистнет, поднимаясь на самую верхушку ветки, к нему собирались все его друзья.

– Ну, во что будем играть? В прятки, в прыжки или с мячиком?

Разнообразные игры придумывали они: прыгали, скакали, качались. А когда все игры были сыграны, друзья разошлись, а Тим-Тим, вытягиваясь на веточке, кидал орехи в облака.

По соседству с Тим-Тимом на дереве жила-поживала ворона Каркуша. Она целыми днями чем-то занималась: то гнездо своё поправляла, то птенцам за кормом летала, то пёрышки чистила.

В один прекрасный день у тётки Кар-Кар внезапно заболел зуб.

– Эй, Тим-Тим, – позвала она, еле-еле выговаривая слова из-за больного зуба. – Ненадолго присмотри, пожалуйста, за моими детьми! Надо бы вырвать зуб – у дятла Тук-Тук.

– Иди, иди, не волнуйся за малышкой, – ответил Тим-Тим. – Присмотрю за твоими детьми, охраню твоё гнездо.

– Вот спасибо, – обрадовалась тётя Каркуша. – Иначе с утра переживала, кого бы попросить.

– Пока есть я, не переживайте, тётя Кар-Кар.

– Теперь уж не переживаю, – ответила она с благодарностью. – Ты же очень хороший, послушный. Мои дети тоже вырастут хорошими как ты. Я им вечером буду рассказывать про тебя: «Будьте такими же отзывчивыми, как Тим-Тим!»

От этих слов Тим-Тим остался очень довольным: «Помогать другим – это же очень приятно», – улыбнулся он.

Каркуша положила в рот корм своим птенчикам и предупредила: «Смотрите, слушайте дядюшку Тим-Тима. Слишком не пицтите. Иначе вон на той горе полно орлов. Услышав голоса, могут прилететь».

– Пусть только попробуют подойти, – ответил Тим-Тим. – Я их орехами закидаю и прогоню. Да, да, тётушка Кар-Кар. Я долго не буду думать.

Окончательно успокоившись от этих слов, тётя Кар-Кар пошла к зубному доктору Тук-Тук. Как будто только этого и ждал, откуда-то из кустиков выскочил зайчонок Прямохвост. Встав на только что срубленное дерево, начал он прыгать и по-всякому плясать.

– Эй, что ты делаешь, Прямохвост? – спросил Тим-Тим.

– Физзарядку делаю, не видишь что ли? – улыбнулся зайчонок.

– Зачем делают эту физзарядку? – спросил с недоумением Тим-Тим.

– Хи, недоучка! – засмеялся Прямохвост. – Даже этого не знаешь. Её делают, чтобы быть сильным.

– А сила к чему? – продолжал задавать вопросы Тим-Тим. До этого он всегда считал, что самое необходимое – это ловкость и быстрота.

– Ты, оказывается, совсем отстал от жизни, – удивился зайкин сын. – Зачем сила нужна? Может быть, ты ещё не слышал, как в Круглом поле между собой силачи меряются силами.

– Как они меряются? А зачем меряться силами?

От такого глупого вопроса Тим-Тима очень разозлился зайчонок.

– Бестолковый, – ругал он Тим-Тима, – живешь на свете и не знаешь, зачем силами меряются?!

– Так скажи сперва, тогда и узнаю.

– Когда подскажешь, и глупец это узнает, – разгорячился Прямохвост.

– Ну, скажи уж, – просил Тим-Тим, – если скажешь, дам горсть ядрышек орехов.

– Ладно уж, скажу, давай орешки! Однако ты не думай, что подкупил меня орешками. Ради дружбы скажу.

– Давай, не тяни уж!

– Силами меряются, друг мой, чтобы побеждать и быть первым! – ответил Прямохвост с важным видом.

– А первое место что даёт? – спросил с недоумением Тим-Тим.

– Их, их, до такой степени быть бестолковым! Когда всех победишь, ты на свете бываешь самым сильным. А сильных все уважают.

– Уважают?

– Да, да, уважают.

– А что даёт уважение?

Этот глупый вопрос совсем вывел зайчонка из терпения.

– Ах, глупец, бестолковый, безмозглый баран! Не понимает, зачем голову склоняют перед сильными. Вот теперь передо мной склоняли бы головы все медведи и волки!

– И что же из этого? – не унимался Тим-Тим, все ещё ничего не понимая. Ведь до этого он считал, что все живые существа должны быть равными.

Прямохвост даже позавидовал такой наивности Тим-Тима.

– Ладно, – примирительным голосом сказал он. – Всё равно никогда не зай-

мешь ты первое место. В крайнем случае посмотришь, как борются. Айда на поле борьбы! У медведя поломаю 1–2 ребра. Вот тогда и узнаешь, кто твой друг! Айда, пошли. – Тим-Тим выпрыгнул к зайчонку. Он даже совсем позабыл про гнездо тётушки Кар-Кар. Прямохвост взял под ручку Тим-Тима и запел:

Айда пошли бороться,

Чтобы побеждать.

К песенке зайчонка присоединился и Тим-Тим. Когда так, громко распевая на весь лес, они шли, встретила им дочь ёжика Иголочка.

– Куда путь держите, парни? – спросила она звонким голосом. Друзья очень обрадовались тому, что, возвеличивая, их назвали «парни».

– Куда мы идем? – переспрашивали они, глядя друг на друга загадочно. – Мы на площадь борьбы в Круглое поле направились: у волка талию поломать, медведя на поле повалить, оленя заставить рогами землю пахать. Так ведь, Тим-Тим?

– Так, так, Прямохвост.

– Ай-яй, парни, вы больно храбрые, оказывается!

– А я для чего старался, не жалея и ночных снов, занимался физзарядкой? – с гордостью ответил Прямохвост.

– Физзарядка?

– Про физзарядку Иголочка, оказывается, тоже слышала первый раз. Тим-Тим начал объяснять ей, что такое физзарядка:

– Физзарядка – это такое дело, такое дело... Если его кто-то не сделает, как ни-будь не сделает...

– Больно долго говоришь и непонятно, – сказала с недовольством Иголочка.

– И если, – продолжал Тим-Тим, – кто-нибудь сделает эту самую физзарядку, то тут же у него начинает кипеть сила. Да да, если не веришь, вон спрашивай у зайчонка.

– Правильно объясняешь, дружок, – ответил Прямохвост с достоинством и хлопнул по спине Тим-Тима. Если будут делать физзарядку, и мышки могут побеждать кошку, и зайчики могут загнать медведя и донести до берлоги. Поняла теперь, что такое физзарядка?

– Поняла, – ответила Иголочка, по-настоящему напугавшись. Однако вы, парни,

сильно не кривляйтесь, что знаете волшебство по имени «физзарядка». Если у волков талию поломаете, над медведями будете издеваться, кто же в лесу останется?

– Вот ты останешься, Иголочка, – ответил зайчонок. – Потом ещё мы с Тим-Тимом останемся.

Прямохвост, кладя руку на спину Тим-Тима, ещё раз запел:

Когда проходим мы по лесу,
Дрожат лесные волки.
Пусть попробуют не бояться-
Вот ведь мы какие!

Зайчонок и Тим-Тим так расхвастались, что Иголочка начала по-настоящему переживать: «Не губите уж волков и медведей! – начала она их упрашивать. – Они ведь тоже живые существа».

– Не губить их, значит? – переспрашивал зайчонок. – А может, и вправду на первый раз оставим этих волков и медведей, Тим-Тим?

– Оставим, пусть между собой борются, – ответил Тим-Тим. – Мы вот в тени деревьев немного отдохнем и домой пойдём.

– Вон, оказывается, вы и добрые, и умные! – восхитилась Иголочка, прыгая от радости. – Заходите к нам в гости, холодным катычком или молочком угощу. Отдохните.

Тим-Тим и зайчонок с удовольствием согласились. Иголочка их угощала разнообразными кушаньями. Долго погостивши, набравшись сил, два друга отправились домой. Когда, напевая, шел домой Тим-Тим, издали услышал чей-то плач.

– Это же голос тётки Кар-Кар, – подумал он. – Может, зуб больно выдернули?

– Эй, тётка Кар-Кар, зачем плачешь? – спросил он, подходя к ней. – Зуб болит, что ли?

Однако тётка Кар-Кар ничего не ответила, даже не повернулась к нему. Тим-Тим очень удивился.

– Ладно уж, тётка Кар-Кар, – не плачьте, – хотел он успокоить свою соседку. – Поправитесь. Однажды мне тоже в ножку заноза попала. Со временем прошло. Вот я даже могу теперь прыгать.

Тим-Тим хотел показать ей, как он прыгает. Чтобы развеселить тётю Кар-Кар, он кувыркался, смешно скакал, делая разные трюки. Однако тётя Кар-Кар не переставала плакать.

– Эх, родные мои! Быть кормом хищнику разве вывела я вас на свет?! Такие красивые были, дорогие мои! Когда прилетала с кормом, как чудесно жёлтыми клювами тянулись вверх, милые мои! Всем троим и красивые имена придумала ведь! Зачем только поверила этому ненадежному Тим-Тиму, который не может сдержать своё слово?!

Услышав эти причитания, Тим-Тим сразу понял, в чём дело. Ему стало очень стыдно перед тётей Кар-Кар.

– Тётя Кар-Кар, – сказал он с мольбой. – Пожалуйста, простите меня! Следующий раз буду бдительным, тётя Кар-Кар. На этот раз простите, пожалуйста! Не плачьте!

– Вот ты просишь прощения, – ответила ему горестным голосом тётя Кар-Кар. – Когда на сердце рана кровоточит, как я тебя могу простить?!

– Рана заживет, тётя Кар-Кар.

– Если бы вернулись мои детишки, зажила бы рана. Вот тогда я бы тебя простила. А теперь никак не могу простить!

– Ведь я причинил вам боль не злоумышленно. Если бы не пришёл зайчонок Прямохвост и не позвал меня на поле борьбы, я бы никуда не отошёл от твоего гнезда.

– Зло, с каким бы умыслом ни сделано, оно и остаётся злом. Вот если бы охотник, захотев застрелить орла, попал бы в тебя, тебе было бы легче от этого?

Тётя Кар-Кар так ответила и снова заплакала. То поднимаясь в небо, то спускаясь на землю, плакала она. От её слёз травки сожглись, цветочки почернели, родники подсолились. Так, проплавав несколько дней, обойдя весь лес, она улетела куда-то, оставив осиротевшее гнездо.

А Тим-Тим некоторое время ходил грустным, потом совсем забыл про тётю Каркушу. Он по-прежнему играл, прыгал с ветки на ветку, пел песенки, покачиваясь на верхушках деревьев.

Часть 2

Однажды, играя, Тим-Тим где-то вдалеке услышал визг. Он побежал на этот голос и что увидел? Под кустом лиса стонет.

– Что случилось, лисичка? – спросил Тим-Тим.

– Вот попала в капкан, – ответила жалобно лиса. – Нога сильно болит, никак не могу освободиться.

– Быть может, я сумею помочь? – спросил участливо Тим-Тим. – Мои зубы очень острые. Раз – и оборву твой капкан.

– А сможешь ли ты помочь? – спросила лиса, вытирая хвостом навернувшиеся слёзы. – Однако острые зубы, наверное, не помогут. Тут нужен ум.

– А кто может дать умный совет?

– Секрет раскрытия капкана знает мой дальний родственник дядя Умбогат. Пожалуйста, сходи к нему. Пусть придёт и спасёт меня.

– Пойду и скажу, – обнадёжил Тим-Тим, долго не раздумывая. Он, залезая на дерево, хотел уже поскакать к дяде.

– Эй! Подожди! – крикнула лиса. – Ты же не знаешь, где он живёт. Научу, как идти к нему.

– Подскажи тогда.

– Дом дяди Умбогата на правой стороне леса, на левой стороне поляны. И криво не ходи, и прямо не иди. Увидишь речку – перепрыгни, увидишь оленя – проходи бегом. Дорогу потеряешь – спроси у Луны. Вот все. А теперь беги быстрее.

Тим-Тим, по её учению, вышел на дорогу. И криво не пошёл, и прямо не пошёл. Так вот направляясь, он дошёл до красивого озера. А там крупные – прекрупные щуки загорают на прибрежном песке. Увидев такое зрелище первый раз, Тим-Тим очень удивился и спросил:

– А что вы делаете?

– Загораем на песке, – ответили дружно щуки.

– А на песке зачем загорают? – спросил Тим-Тим удивлённо.

– Чтобы закаляться! – И щуки с недоумением посмотрели на него, как бы давая понять: «Ты даже этого не знаешь?»

– Айда, пристраивайся к нам. Загорать – это же большое удовольствие.

Тим-Тим, быстренько сняв рубашку, лёг на горячий песок, выставляя свой белый животик. Сначала горячий песок будто обжёг его.

– Обжигает ведь! – воскликнул он. – Как вы терпите в этой жаре?

– Сначала только обжигает, – успокаивали щуки, – как привыкнешь, и неохота будет уходить. Вот наши бока уже загорели. Теперь уж зимой нам никакой насморк не страшен. Так вот. Увидев наши загорелые тела, то зло, под названием «грипп», будет обходить нас стороной.

– А я этого гриппа и так не боюсь, – ответил Тим-Тим.

– У тебя же шуба тёплая, а нашу одежду сам видишь, – вот ведь какая тонкая, – говорили щуки.

Тим-Тиму жалко стало щук. У него шуба действительно тёплая. Ложится он в своей норе, укрываясь хвостом. Так думал он, валяясь на песке. Щукам показывал разные прыжки. Рыбы с восхищением глядели на его изворотливость.

Тим-Тиму понравилось такое внимание, и он придумывал разнообразные забавы. А щуки громко хихикали, показывая клыки.

Тим-Тим восхищался самим собой. Желая понравиться щукам, чего он только не делал! Не меньше щук загорал он на песке. Если слишком было жарко, он вместе с ними прыгал в воду.

Плавание верхом на щуке, с одного конца озера до другого его конца, дало ему неопишемую радость. Он забыл, куда он шёл и зачем шёл.

Когда жара начала спадать и подул прохладный ветерочек, вдруг он вспомнил про бедную лисоньку. Вспомнил – и сердце его сжалось.

– Ах, что я сделал? – подумал он с замиранием сердца и начал торопливо одеваться. А щуки кричали ему вслед: «Тим-Тим, ещё раз приходи, опять вместе будем загорать».

– Ладно, – сказал Тим-Тим и торопливо ушёл. Поскольку начало темнеть, он потерял дорогу. Тут он вспомнил слова лисы: «Если потеряешь дорогу – спроси у Луны».

Прыгая с ветки на ветку, он залез на самую верхушку дерева и начал следить за Луной. А Луна в это время за облаками полоскала своё платье, поэтому очень долго не появлялась.

Тим-Тим, свистнув, разбудил ветер. Только когда разошлись облака, Луна, прикрываясь мокрым платьем, крикнула Тим-Тиму:

– Ну, что ты свистишь? Почему спать не ложишься?

– Луна-краса, – обратился к ней Тим-Тим. – Покажи, пожалуйста, дорогу! Как пройти до дядюшки Умбогата?

– А зачем тебе дядя Умбогат? – спросила Луна.

Тим-Тим, путаясь, начал объяснять, в чем дело. В это самое время он услышал хруст, чьи-то шаги и повернулся. А что там видит? Перекинув через плечо Лисоньку, идет охотник домой. У Тим-Тима от жалости к лисе слёзы навернулись на глаза.

– В следующий раз не буду таким беспечным, сдержу своё слово, – поклялся он себе.

Садясь на шустрые крылья ветра, дни пролетали очень быстро. Потихоньку Тим-Тим забыл и эту печаль.

Часть 3

Играл, озорничал, скакал во всю мощь Тим-Тим. Снова давая обещания и снова не выполняя их, ставил своих друзей и близких в неловкое положение. Особенно доченьку оленя, Оленя-красу, оставил он в тяжёлом положении.

А было это так. Когда Тим-Тим играл по-обычному, прыгая с дерева на дерево, увидел он вдруг на небольшой полянке маленькую дочку оленихи, которая стояла в недоумении, не зная, куда идти.

– Кого ждёшь, Оленя-краса? – спросил у неё Тим-Тим.

– Заблудилась, – вымолвила горестно она. – Мамочку какие-то двуногие злые звери угнали. Мне она успела шепнуть: «Стой здесь, скоро сама заберу». Вот уже три раза солнышко всходило и три раза заходило, а мамуленьки все ещё нет.

– Тот двуногий зверь – это, наверное, охотник, – пояснил Тим-Тим. – А на руке у него с желтоватой рукояткой и чёрной головкой палки не было?

– Была. Какая-то издающая страшный звук палка была.

– Тогда маму не жди уж ты, – сказал Тим-Тим. Оленя-краса начала плакать. – Ладно не плачь, – успокаивал Тим-Тим. – А может быть, она сама тебя ищет. Сей-

час я залезу на дерево и буду высматривать твою маму. А если её не найдем, может, встретится какой-либо родственник. Пока есть я, не потеряешься!

– Спасибо, дядюшка Тим-Тим, – благодарила она, вытирая свои слёзы.

Тим-Тим даже возгордился от своей находчивости. – Вот мы уж такие! – сказал он с достоинством. – А ты ещё плачешь! Сейчас найдем твою маму. А ты отсюда никуда не уходи.

– Нет, не уйду, – сказала твердо Оленья-краса. – А ты, как увидишь мою мамочку, сразу мне скажешь?

– Скажу.

Тим-Тим ушел. А Оленья-краса его день ждала, два дня ждала. А может быть, и пять дней бы ждала. Однако через эту полянку проходил один захудалый, голодный волк.

– У, проглочу я тебя! – воскликнул он, сверкая голодными глазами. – Я уже вот две недели ничего не кушал.

– Немного подожди, пожалуйста, – попросила Оленья-краса. – Очень, очень соскучилась по мамочке. Вот уже сколько дней, никуда не отходя, я жду её.

– Ну, если так долго не подошла, значит, она совсем не придёт, – ответил голодный волк. – Если живы матери, они своих детей так долго не оставляют. Проглочу я тебя, Оленья-краса.

– Ещё только один день потерпи, дядюшка волк, – умоляла она его. – Если уж через день мамуля или Тим-Тим не подойдет, тогда и проглотишь.

– Ладно уж тогда, – согласился волк, – проголодался, конечно, сил нет! Однако, если уж так ласково попросила, я потерплю ещё один день. Однако имей в виду, Оленья-краса: и так и сяк не хитрить!

– Какая тут хитрость, дядя волк, – вымолвила смиренно Оленья-краса, – рот будешь раскрывать, я сама и заскочу. Если матери нет – какая ещё может быть радость на земле?!

Голодный волк и Оленья-краса спали, опираясь спинами друг к другу. Мама Оленья-красы не пришла и на следующий день. Когда уж совсем стемнело, Оленья-краса сказала голодному волку: «Ладно уж, проглоти меня».

– А может быть, мне искать корм в другом месте? – сомневался голодный волк. –

Вместе поспали, пообщались, теперь уж ты мне кажешься родственницей. Жалко тебя кушать.

– А ты не жалеяй, кушай, – говорила горестно Оленя-краса. – Если не ты покушаешь, какой-нибудь сытый волк растерзает. А я не хочу стать жертвой ненасытного волка. А ты, покушав меня, хоть жив останешься. А если увидишь преследующих мою маму волков, постарайся помочь ей.

– Ладно уж тогда, убедила, – ответил голодный волк и проглотил её.

Вы спросите, конечно: «А где же был Тим-Тим?» Да, Тим-Тим несколько раз залезал на дерево и искал взглядом маму Оленёнка. Однако нигде не заметил.

Вдруг он увидел, как в перелесье сыновья хомяков играют в прятки. И Тим-Тим, совсем позабыв про одинокую и ждущую его Оленя-красу, начал играть с хомячатами в прятки. Хомячата так ловко прятались, что Тим-Тим, не находя их, совсем выбивался из сил. Когда Тим-Тим закрывал глаза, хомячата залезали в свои норы и даже засыпали, позабыв и выйти. Так увлечённо играл Тим-Тим несколько дней. Когда совсем проголодался и выбился из сил, тогда только вспомнил про обещание Оленя-красе.

– Ах, что я опять сделал?! – вымолвил он, по-настоящему раскаиваясь. – Быстрее надо искать маму Оленёнка.

Так подумал он и залез на верхушку дерева. Используя как бинокль одну длинную толстостебельную траву, он рассматривал окрестность и опушку леса. Вдруг он заметил волка, идущего облизываясь.

– Эй, волк! – воскликнул он. – Не встретил ли ты где-нибудь оленей?

– Нет, оленей не встречал, – ответил волк, – однако пришлось угоститься одним оленёнком.

– Ах, бессовестный! – возмутился Тим-Тим. – Ты, наверное, съел Оленя-красу?!

– Да, её и съел. А ты, может быть, тот Тим-Тим, который пошёл искать её маму?

– Да, я тот Тим-Тим.

– А тебя очень ждала Оленя-краса, – сказал с сожалением волк и ушёл.

Тим-Тим, злясь на себя за невыполнение своего слова, пошёл домой.

– Следующий раз, если даже умру, однако останусь верным своему обещанию, – поклялся он себе. Но прожив несколько дней, он снова забыл свою клятву.

Часть 4

Тим-Тим опять начал жить, увлекаясь разными играми. Однако, что за диво: в последнее время отошли от него друзья. И сын зайца Прямохвост перестал играть, и дочь ежихи Игла-краса, увидев его, быстрее уходила домой. А родственники тётушки Кар-Кар его совсем обходили стороной.

Итак, Тим-Тим остался в лесу совсем одинок. А одному играть, оказывается, совсем неинтересно. В один день он встретил в пути Прямохвоста и попросил:

– Айда зайдем к нам, угощу тебя вкусными орешками. А затем вместе будем играть.

– Спасибо, сам ешь свои орешки, – ответил холодно Прямохвост. – А я не хочу дружить с не выполняющими своих обещаний.

Когда ушёл зайчонок, долго стоял Тим-Тим, задумываясь: «Вот, оказывается, почему отошли от него его друзья! Что же теперь делать? Очень переживал Тим-Тим, долго сидел дома. А потом вскочил на ноги: «Ладно. Пусть. Не играйте! А мне нипочём. Я ещё покажу вам себя, кто есть я!»

Ему захотелось сделать такое, чтобы все жители леса восхищались. Однако, что делать? Чтобы найти ответ на этот вопрос, он пустился в путешествие по лесу.

Идёт он, идёт и встретил в пути муравьев, которые строили себе дом. Муравьи вместе дружно таскали солому и разные стебельки высохших трав.

– Давайте, я помогу вам, друзья! Я же сильнее вас и много натаскаю соломы, пока вы вместе одну соломинку тащите.

– Спасибо, не нуждаемся в твоей помощи! – ответили гордо муравьи. – Мы не хотим иметь дело с ненадёжными приятелями.

Муравьи, считая, что разговор окончен, снова принялись за своё дело.

– Ладно. Не нуждаетесь в помощи? А мне всё равно! – ответил Тим-Тим. – Если хотите знать, меня невесть где ещё ждут с нетерпением, наверное.

– Тогда иди туда, где тебя ждут, – ответили ему муравьи. Тим-Тим, поднимая дорожный мешок, пошёл дальше.

Идёт он, идёт, и встретились ему дети, собирающие дубовые орехи. Но даже смелые мальчишки не могли залезть на самую верхушку дерева. Тим-Тим же, сняв дорожный мешок, залез на дуб.

– Давайте, помогу вам, – сказал он, – иначе половина добычи останется на дереве. Тим-Тим горстями кидал орехи на землю. Однако ни один малыш не дотрагивался до его орешков.

– Берите, берите, – сказал Тим-Тим, – я же их для вас кидаю.

– Нам не нужны орехи хвастунов, пустых болтунов, не сдерживающих своего слова, – ответили дети.

Тим-Тим очень обиделся. Он не понимал, почему же все отказываются от его помощи.

– Нарочно кривляются, – подумал он. Когда отошёл от детишек, он ещё многим предлагал свою помощь. Но даже умирающая сова отказалась от его услуг.

– Одну ладошку воды принесу и налью тебе в рот, может, выздоровеешь, – говорил участливо Тим-Тим.

– Нет, нет, – ответила сова, – пойдешь за водой, да забудешь. А я с надеждой буду тебя ждать. Из-за тебя я других не смогу попросить. Может быть, подойдет какой-нибудь надёжный друг. А ты иди своей дорогой.

Тим-Тим, еле волоча ноги, дошёл до дома. Но и там не нашёл он покоя. Даже дом как будто бы лишился красоты. Похудел сын белки, не было у него прежнего аппетита. Сидел он и смотрел в окошечко, пока не устали его глазки. После долгих мучительных дней он твёрдо сказал себе: «Так жить невозможно. Надо уйти отсюда. В других местах, наверное, не знают обо мне. В новом лесу заведу новых друзей. Уж теперь я никого из них не подведу, в трудном положении не оставлю».

Так подумал он и, попрощавшись с родным лесом, вышел в путь-дорогу. Действительно, в новом лесу он нашёл новых друзей. Искренне помогал им и завоевал их доверие. И дома у него тепло, и на пропитание разнообразные кушанья есть. Однако нет у него полного счастья, поскольку в душе у него поселились непроходящая грусть и тоска.

– Это что за вечно не проходящая тоска? – спросите вы.

– Это тоска по родному дому, где прошло беззаботное детство. Это ностальгия по родной сторонке, по бывшим друзьям.

Чтобы развеять свою печаль, ночами, когда все спят, Тим-Тим, глядя на родную сторонку, где прошли его счастливые детские дни, поёт:

Слезами радости пропитанная земля
Осталась там, осталась там.
Слезами горести прокапанная земля
Осталась там, осталась там.
Глядя на родную сторонку,
Родную сторонку,
Глазки мои устали, ах, устали уж.
Надежды мои, пылая,
Сгорели уж, ах, сгорели уж.
Сердце мое надрывается
От тоски по родной сторонке.
Ведь на память от неё, родной,
Печаль только осталась уж, осталась уж.

Давайте попрощаемся и мы с Тим-Тимом. Пусть печалится, поёт задушевные песни. Грусть и тоска – это благородный родник, очищающий душу.

Может быть, ещё наш Тим-Тим, когда его душа совсем очистится, и прилетит на крыльях песни и грусти в родной лес.

Заметив изменения в Тим-Тиме в хорошую сторону и его чистую душу, может быть, простят его друзья.

Да, да, наверное, так и будет! Поскольку в сказке ведь всё хорошо кончается.

ЛЕС ХАКИМА

На самой оси Земли была небольшая и немаленькая деревня. На окраине деревни не было ни гор, дотянувшихся до неба, ни рек, протянувшихся с одного конца Земли до другого её конца. Единственная достопримечательность этой деревни – небольшой березняк. Берёзы в этом березняке стояли словно улыбающиеся младенцы – светлые, белые-белые. Если долго смотреть на них, глаза ослепляются. Стройность и изящность берёз приводили каждого в восхищение и изумление.

Деревенские жители по-настоящему могли обидеться, если не сказать ещё об одном их достоинстве. «А это ещё что?» – спросите вы. А то, что березняк имел очень большую тайну – волшебную силу. Да! Да! Если к этому березняку приходили старые – они молодели, больные – выздоравливали, слепые начинали видеть, глухие – слышать.

Деревенское население именно поэтому берегло этот березняк как зеницу ока. Поднимать топор на эти берёзы никому и в голову не приходило даже тогда, когда кончались дрова и приходилось сидеть в холодных домах.

Однажды в березняке сельчане заметили убавление растущих берёз.

Из уст в уста, из ушей в уши, из душ в души переходило это печальное известие. Люди встревожились. Они обратились за советом к самому умному и мудрому старцу – дедушке Хакиму.

– Что делать? Посоветуй, пожалуйста, – просили они.

Долго сидел дедушка Хаким, задумавшись и зажав в руке белую бороду. Потом спросил у собравшихся людей:

– Как вы заметили убавление березняка? Видели ли оставленные пни?

– Нет, пеньков не видели, – ответил один дядя, вперёд выдвигаясь.

– Раз пни отсутствуют, вы, может быть, зря тревожитесь, – успокаивал их дедушка Хаким.

– Нет, совсем не зря, – ответил тот дядя. – Раньше я не мог с лошастью проехать между берёзами, мучился, цепляясь осью телеги то за одно, то за другое дерево.

Вот недавно поехал сено косить на луга, что за березняком, и лошадка вскачь заехала прямо в березняк. Хоть бы один раз зацепилась ось телеги за какое-либо дерево!

– Да, да, – подтвердил его слова другой. – И я замечаю: редет березняк. Раньше и зайчики не замечали нас, пока на их хвост не наступишь. А теперь, увидев, с полкилометра начинают убегать.

Дедушка Хаким задумался. Потом спросил: «Утверждаете, что нет пеньков от срезанных деревьев?»

– Нет, нет.

– А не видели ям, больших, словно рот ведьмы, и не покрытых травкой?

– Видели такие ямы, – взволнованно отвечали люди, перебивая друг друга.

– Значит, это дело рук Змея Горыныча, – сказал дедушка Хаким. – Человеческое существо не может вырвать дерево.

– А для чего Змей Горынычу наши берёзы? – удивлялись люди.

– Не могу сказать зачем, однако, нисколько не сомневаюсь, что это его рук дело.

– Надо спасти берёзы! – говорили люди. – Если мы потеряем такие красивые и волшебные берёзы, то где ещё найдем место, согревающее наши остывшие души, поправляющее наши морщинистые лица, исцеляющее нас?!

– Правильно, родные, правильно, – подтвердил дедушка Хаким. – Слова ваши верные. Я и так уже задумывался над тем, почему это в последнее время у людей резко прибавились морщинки? Теперь вот понял: чем больше редуют берёзы, тем быстрее стареют люди. Спросите, зачем? Берёзы ведь прикреплены корнями не только к земле, но и к нашим сердцам. Змей Горыныч, вырывая берёзы с корнями, и часть сердец вырывает у каждого.

Сельчане подумали, посоветовались и решили охранять березняк по очереди.

В первый день пошёл самый смелый парень деревни. Вот дошёл он до березняка и лег под высокой и красивой берёзой.

Ночь была светлая. Падали звёзды то в одной, то в другой стороне горизонта. Играли зарницы.

Парень лежал, восхищаясь красотой, высотой и тайной неба.

Через некоторое время вдруг начало крутиться вокруг Луны какое-то облако с хвостом, похожее на жёлтую-прежёлтую дыню. Ночь вдруг потемнела. Подул холодный ветер. А то облако с хвостом, крутящееся около Луны, начало опускаться все ниже и ниже. В скором времени его хвост дотронулся до берёзы, под которой лежал парень. Берёза вздрогнула. Её вздрагивание перешло к парню, и он от испуга закрыл глаза. А когда он их открыл, уже не было облака с хвостиком и этой самой красивой берёзы, под которой он лежал. Только лишь скалила рот глубокая яма на месте берёзы.

Через некоторое время у парня прошёл страх. Теперь уже не давали покоя тревожные мысли: «Как покажусь на глаза людям? Ведь я могу потерять своё доброе имя Храброго парня. К тому же на днях я собирался жениться на самой красивой

девушке своей деревни. Выйдет ли замуж прекрасная девушка за трусливого парня?! Она ведь столько парней обратно вернула, и даже приезжих издалека! А эти парни ведь были словно из сказки: и одежда ослепительная, и кони-скакуны восхитительные. Нет, не выйдет теперь красавица за меня замуж! И не только это: теперь и самые некрасивые и непривлекательные девушки будут гнать меня от себя. Ведь в этой деревне любят парней только храбрых, благородных и с чистой душой!»

– А может быть, сравнять с землёй оставшуюся от берёзы яму? Никто ведь не считал деревья. Приду и скажу: «Этой ночью в березняк никто не приходил».

Парень, радуясь такой спасательной мысли, начал заваливать яму. Ещё до рассвета было достаточно времени. Сильно старался парень. В скором времени подравнял яму. Чтобы не было заметно её место, принес травяной слой с луга за березняком и постелил его. Когда начинало светать, он уже закончил работу. Никто бы и не догадался, что именно на этом месте была берёза. Вот собрался было он домой, вдруг пробежала какая-то обжигающая мысль по всему телу: «Так ведь я обманываю односельчан вдвойне. Раскроется тут же мой обман. Ведь за каждое вырванное дерево у людей морщинки появляются на лбу!» Он решил не возвращаться в деревню, подумав: «Нет, не смогу я прямо смотреть в глаза людей».

Целый день ждали парня односельчане. Они уже поняли, глядя друг на друга, что увели ещё одну берёзу.

Наступил вечер – не пришёл парень. Охранять березняк односельчане послали другого парня. Но и с ним случилось то же самое. Когда такие события начали повторяться изо дня в день, люди задумались: «Мы ведь так растеряем не только берёзы, но и молодых парней. Кто будет пахать наши земли, кто будет выращивать наш хлеб?» – переживали они. И пришли ещё раз за советом к дедушке Хакиму.

– Не оставляй нас, пожалуйста, без совета, – умоляли они. Но сам дедушка Хаким тоже был в недоумении. Его особенно озадачивало исчезновение парней.

– Змей Горыныч украл их, – решили они.

– Я тому удивляюсь, – говорил дедушка Хаким. – Почему на месте вырванных берёз теперь не остаётся яма?

– А может, наши берёзы уже не крадут? – говорили люди.

– А морщинки на лбу?

– А это может быть от потери наших парней?

– И это возможно, – ответил дедушка Хаким. – Однако вы и сами видите, дорогие мои, хоть и яма не остаётся, а березняк продолжает редеть. Всё труднее прятаться жителям леса. Короче говоря, друзья мои, сегодня сам пойду охранять. Всё равно в последнее время я плохо сплю.

Односельчане никак не хотели отпускать дедушку Хакима на охрану леса.

– Если и тебя украдёт Змей Горыныч, с кем мы будем советоваться? – озадачились они.

– Я ведь всё равно не пришёл в этот мир навеки, – ответил дедушка Хаким. – И вам пора уж жить своей головой. Нельзя жить постоянно по чужим советам. Человек всё равно когда-нибудь остаётся со своей судьбой с глазу на глаз. Вот и у меня настал такой день.

Дедушка Хаким так сказал и, прощаясь с односельчанами, пошёл на ночную охрану. Пришёл и сел под самой красивой и величественной берёзой. Он привязал себя к берёзе, чтобы Змей Горыныч каким-либо колдовством не смог усыпить его.

Как всегда, ночь была безоблачной, небо звёздным. Когда хвост Большой Медведицы начал передвигаться к рассвету, дедушка Хаким заметил у себя какую-то дрожь: «Немножко нужно встряхнуться, тело онемело, наверное, находясь в одном положении, – подумал он и начал было развязывать пояс. Однако поглядев в небо, что увидел там?! Над берёзой, под которой он сидел, вертелся Змей Горыныч с семью хвостами.

– Ага, прилетел? – спросил дедушка Хаким.

– Прилетел, а что? – ответил вопросом Змей Горыныч. – Если ты ещё немножко хочешь жить на этом свете – отойди в сторонку. Я выдерну эту берёзу.

– Нет, – возразил дедушка Хаким. – Мы больше не отдадим тебе берёз!

– Что это я теряю время с тобой? – возмутился Змей Горыныч. – Мне ведь надо вернуться до рассвета. Проговорив это, он с треском прикрепился к берёзе семью хвостами.

Дедушка Хаким тоже обнял берёзу своими бессильными руками. Змей Горыныч громко засмеялся над его глупостью. От смеха Змея Горыныча зашумели деревья, загредел гром, даже Луна из своей голубой колыбели чуть не упала.

– Ладно тогда, – согласился Змей Горыныч. – Если твоя жизнь не дорога, продолжай обнимать свою берёзу. А я унесу тебя вместе с ней на остров, где никто не живёт.

Змей Горыныч начал выдёргивать берёзу. Взмахивал хвостами, раскачивал дерево, однако берёза не поддавалась. У Змея Горыныча с семи лбов капало семьдесят семь капель пота. От сильного напряжения у него даже хвостики вспотели и стали мокрыми. Чем больше он рвался вверх, тем сильнее сползали мокрые хвосты по стволу берёзы.

– Эй, старый хрыч! – крикнул Змей Горыныч. – Отойди от этой берёзы, иначе как дам хвостом!

– Я пришёл сюда, не для того чтобы уходить, – ответил дедушка Хаким. – Правда, ты можешь ударить хвостом не только один, но и два раза. – Даже хватит силы у тебя, чтобы убить. Однако не сможешь оторвать меня от берёзы. Поскольку я к берёзе не только поясом, но и сердцем привязан. А поднять мое сердце не хватит у тебя силы. В нём накоплены столетнее горе, столетняя радость и столетние переживания.

– А я же могу вырвать другое дерево, – опомнился Змей Горыныч. – Сиди и обнимай свою берёзу.

Змей Горыныч, опустив хвосты, перешёл к другому дереву, но и дедушка Хаким, подбежав, обнял ту же берёзу. Бегая всю ночь, они оба очень устали. Уставший, утомленный Змей Горыныч начал умолять дедушку Хакима:

– Пожалуйста, уйди ты отсюда! Хочешь, я тебе принесу гору золота?

– Что я буду делать с твоим золотом? – удивился дедушка Хаким.

– Золото же самая соблазнительная вещь у людей, – ответил Змей Горыныч. – Я намного больше тебя живу на свете. Знаю, чему поклоняются люди. Из-за золота не только дерево, но и душу свою продают.

– Не спорю, есть, наверное, и такие, – согласился дедушка Хаким.

– Однако эти наши берёзы дороже, чем души. Душа – она сегодня на земле, завтра – на небе. А эти берёзы вечные. Они рассказывают людям про красоту, про доброту и смысл жизни. Соединяют поколения и передают память от потомков к потомкам.

Если люди не смогут восхищаться красотой, то на земле не будет любви, закончится радость и станут пустыми души. Какую же ценность имеет пустая душа? Настоящая, чистая душа – она мешок, наполненный бесценными качествами.

– Я не понимаю таких вещей, – ответил Змей Горыныч. – Голов, хоть и семь штук у меня, а ума лишь половина. Я знаю только одно: мне нельзя приходить с пустыми руками.

– А зачем тебе, Змей Горыныч, берёза? – спросил дедушка Хаким. – Я про Змей Горынычей, крадущих красивых девушек, храбрых парней, много слышал. Однако первый раз вижу Змей Горыныча, крадущего деревья.

– Теперь нам не до людей, – вздохнул Змей Горыныч. – Нам нужны деревья. Сильно поредел наш лес. Сам знаешь, мы можем жить только в густых лесах. Ваши берёзы мы сажаем в свой лес.

– Растут?

– Растут, однако через два-три дня почему-то становятся чёрными. Очень удивляемся превращению белых берёз в чёрные.

– Это из-за отрыва от родной земли, – пояснил дедушка Хаким.

– Что же теперь делать мне? – спросил Змей Горыныч. – Ты ведь человек умный, дай какой-то совет. Мы тоже не хотим потерять на Земле свой род. А наш лес все редет и редет. То пожары уничтожают, то ураганы самые хорошие деревья вырывают. Теперь уж и детей негде будет растить.

– Да, вы тоже в затруднительном положении, – согласился дедушка Хаким. – Однако разве можно выращивать лес путём кражи чужих деревьев?

– Научи тогда, как можно вырастить лес иным путём? – спросил Змей Горыныч.

– Научить-то научу, однако, как я понял, память у вас не совсем хорошая, кажется?

– Это ты правду говоришь, человек. Как сказал прежде: хотя и голов семь штук, а ума только наполовину. А памяти совсем у нас нет. Мы помним только злобу. Мы же по всем свойствам противоположны людям.

– Как же вам помочь? – задумался дедушка Хаким, захватывая рукой белую бороду.

Пока упали с неба две звёздочки, дедушка Хаким пришёл к выводу: «Давай

тогда, увези меня с собой. Как доедем – что-нибудь придумаем», – предложил он.

– А я смогу тебя поднять? – спросил Змей Горыныч.

– Сможешь, – ответил дедушка Хаким, – так как я оставляю в родной стороне горе-печаль, радость-успехи. Здешнее пусть здесь остаётся. Иначе я погибну в вашей стороне от тоски.

Дедушка Хаким начал сваливать в родную землю всё, что собрано в душе. Горе и печаль его создали гору, а радость и отрада – большое море.

Деревенские же люди, проснувшись, пришли в березняк и с удивлением увидели: появилось море с блестящей на солнышке, как жемчуг, водой и высокая гора, на макушке которой не было ни единой травки.

А дедушка Хаким удобно уселся на спину старого Змея Горыныча и привязал себя, чтобы не упасть.

Перед рассветом они насилу прилетели в страну Змея Горыныча. Сильно вспотел Змей Горыныч от перенапряжения и обратился к дедушке Хакиму: «Ты, кажется, не все оставил в родной стороне. Поднимая и самую большую берёзу, я не уставал так сильно.

– Да, не все оставил, – ответил дедушка Хаким. – Взял с собой ум. Без него я ни к чему не пригожусь в вашей стране.

Змей Горыныч, прилетев домой, привёз дедушку Хакима прямо к Главе страны.

Старший Змей Горыныч начал сильно ругать Змея за то, что на этот раз он вернулся без дерева. Даже от гнева глаза его начали гореть, как фонари.

Змей Горыныч младший еле-еле объяснил ему положение. Однако ярость главного Змея Горыныча долго ещё не проходила. Замолк он только тогда, когда на его глаза упали утренние лучи. Ведь очень боялось света семейство Змей Горыныча.

Когда Глава успокоился, дедушка Хаким, подходя к нему, сказал: «Когда я летал над вашей страной, увидел, что дела ваши неважные, оказывается. Нужно сделать так...

– Ну, ну, – поторопил Змей дедушку Хакима, – быстрее скажи!

– Хорошие дела второпях не делаются, – ответил мудрец. – Вы терпеливо выслушайте, сделайте то, что скажу, тогда ещё можно будет поправить положение.

– Ну, ну, говори! – обрадовались приближённые из семейства Змеев.

– Теперь быстро надо узнать, сколько зверей, птиц в ваших лесах. Я сам проверю, кто к какой работе подходит.

Главный Змей Горыныч, поднеся семь хвостов к семи ртам, семь раз свистнул. И собрались все звери, все птицы и остальные обитатели леса.

Дедушка Хаким послал белочек собирать орехи. «Смотрите, – предупредил он, – всё соберите: и дубовые, и сосновые, и еловые орехи, а также и все орехи, которые кушают люди».

– Ладно, ладно, мы это сможем, – ответили белки и разошлись по лесу. После этого дедушка Хаким пригласил к себе кабанов: «Вы будете пахать землю носом, делая борозды».

Очередь дошла до лис и волков.

– А вы что умеете делать? – спросил дедушка Хаким у них.

– Кушать умеем, – ответили лисы и волки.

– Впредь надо будет работать, чтобы кушать, – предупредил дедушка Хаким. – Знаю, вы ещё не приучены к работе, однако, если не хотите вымирать, придётся научиться работать, – сказал он.

Содрал он кору липы и, сделав петли, одел на шеи лис и волков. Затем, подыскав дерево, пустое внутри, привязал к нему лис и волков липовой верёвочкой.

– Теперь, – сказал он, хлестнув один раз по спинам волков и лис, – таскайте воду из речки. У этого дерева есть дупло. Его будете заполнять водой. Смотрите, равномерно тяните воз, когда будете возвращаться. Ещё вот что запомните: чтобы всегда была наверху та сторона дерева, что с воронкой, иначе вода выльется.

Стая волков с одной стороны, стая лис с другой, волоча дупло, пошли к реке.

Кабаны землю пахали, белочки орехи таскали, волки воду носили, птицы в борозду орехи клали. Змеи хвостами борозды закрывали.

Работа кипела в лесу. Ни одна живая душа не осталась без дела. Зверям самим понравилось работать. Деревья так быстро начали расти! Один раз посмотришь – оно с ладошку, другой раз посмотришь – оно до колен, потом доходили и до пояса.

Змеи Горынычи теперь дедушку Хакима только на руках и носили. Издалека его приветствовали волки. Лисы, желая побольше постичь мирские тайны, просили его рассказывать разные сказки. Белочки орехи раскалывали и его угощали.

Проходили дни за днями, недели за неделями, месяцы за месяцами. Стремительно рос лес, шумно дули ветры. Жители его не могли нарадоваться, глядя на свой родной лес.

Состояние у дедушки Хакима начало ухудшаться. Не приносили ему облегчения и самые вкусные плоды, и самые целебные воды.

– Может, тебя домой отвезти? – спросили Змеи Горынычи. – Нам расстаться с тобой нелегко, но видеть, как ты страдаешь, ещё тяжелее. «Нет уж, – ответил дедушка Хаким, – тяготы дороги перенести нет сил. Потом, я же часть души оставил в родной сторонке. Сюда принёс я своё тело и свой ум. Живя – проживая, сроднился с этими землями. Здесь и умру, наверное.» Так сказал дедушка Хаким и умер. Когда его похоронили, три дня ничего не брали в рот все жители леса. Волки день и ночь выли, лисы, царапая землю, плакали. Даже солнышко на небе несколько дней не появлялось.

А семейство Змей Горынычей поклялось не делать больше никакого вреда человеческому роду.

Дни за днями проходили. Радостные ветры прогнали горестные облака. Стало заново светлым-светло, появилось яркое солнышко. На каждом дереве запели птицы.

Самое же интересное в том, что семейство Змей Горынычей с этого дня начало помнить не только зло, но и добро. А если иногда в здоровых телах кипела сила и тянуло совершать какое-то зло людям, тут же, вспомнив дедушку Хакима, прятались змеи в свои жилища, стесняясь своих чёрных мыслей.

А в том березняке около деревни, говорят, деревья ещё больше разрослись и похорошели, поскольку их больше не трогали Змеи Горынычи. Этот березняк теперь все люди называют «Лес Хакима».

Стихи татарского поэта Габдуллы Тукая

В саду знаний

(отрывки из стихотворения)

В цветнике науки, братья, не пора ли нам гулять,
Чтоб людей и даже духов нашим счастьем удивлять?!

...

В список диких и отсталых пусть никто нас не внесёт,
Мы в порыве благородном будем двигаться вперёд.

...

Мы, усиляя умножая, будем книги выпускать,
Побеждая светлой силой темноты слепую рать.

Пусть растут труды науки с каждым днём — во много раз,
Пусть на ниве просвещения увенчает слава нас!

...

Только знания правят миром, им не правят дети тьмы.
Прочь, невежество и спячка! Пробуждаемся и мы.

Вас, друзья, благословляю, дети века своего,
Века знания питомцы и хозяева его.

...

1905

Шакирд, или одна встреча

(отрывки из стихотворения)

О юные, — радость родителей вы,
Надежды и чести хранители вы.

Единства народа спасители вы,
Религии чистой носители вы.

Вы ключ, отпирающий знания сундук,
Вы лестница в ясное небо наук!

Откроются вам просвещения сады,
Пусть сердце не стонет, что мало еды...

...

Запомни, что жадность — презренный порок, —
Стремящихся к знанию питает сам Бог!

...

1906

Габдулла Тукай «Стихотворения, поэмы и сказки» Казань, Татарское книжное изд-во, 1986 г. С. 23, 24, 30.

СОДЕРЖАНИЕ

I. СКАЗКИ (перевод Исламовой Р.)

Пеппи	5
Девочка-художник.....	13
Забывчивая кукушка	17
Где зимует Весна?.....	20
Девочка, нашедшая звезду	24
Две капельки.....	31
Самый лучший подарок.....	34
Лягушка-плясунья.....	39
Ласточка, Белоушко и мышка	47
Мечтательный цыплёнок.....	52
Несмываемый позор	54
Петушок и велосипед	57
Белкин сыночек Тим-Тим.....	62
Лес Хакима	76

II. СТИХИ ПОЭТА ГАБДУЛЛЫ ТУКАЯ

В саду знаний (перевод А. Ахматовой).....	86
Шакирд, или одна встреча (перевод П. Шубина)	86

Литературно-художественное издание

Самый лучший подарок

Сказки для детей и взрослых

Автор **Яруллин Фанис Гатаулович**

Перевод с татарского

Книга вторая

(Книга первая «Волшебный ключ»)

г. Набережные Челны, 2018, 46 с.

*Компьютерный набор и художественное оформление –
Фарукшина Д.Р.*

*Компьютерная верстка –
Галиуллина Л.К.*

Корректоры:

Бочарова Нина Михайловна

Белоусова Раиса Михайловна

Желающим заказать книги:

Тел. 705-145

Электронная почта: E-mail: 705145@mail.ru